

Вспоминая отца.

Мое детство.

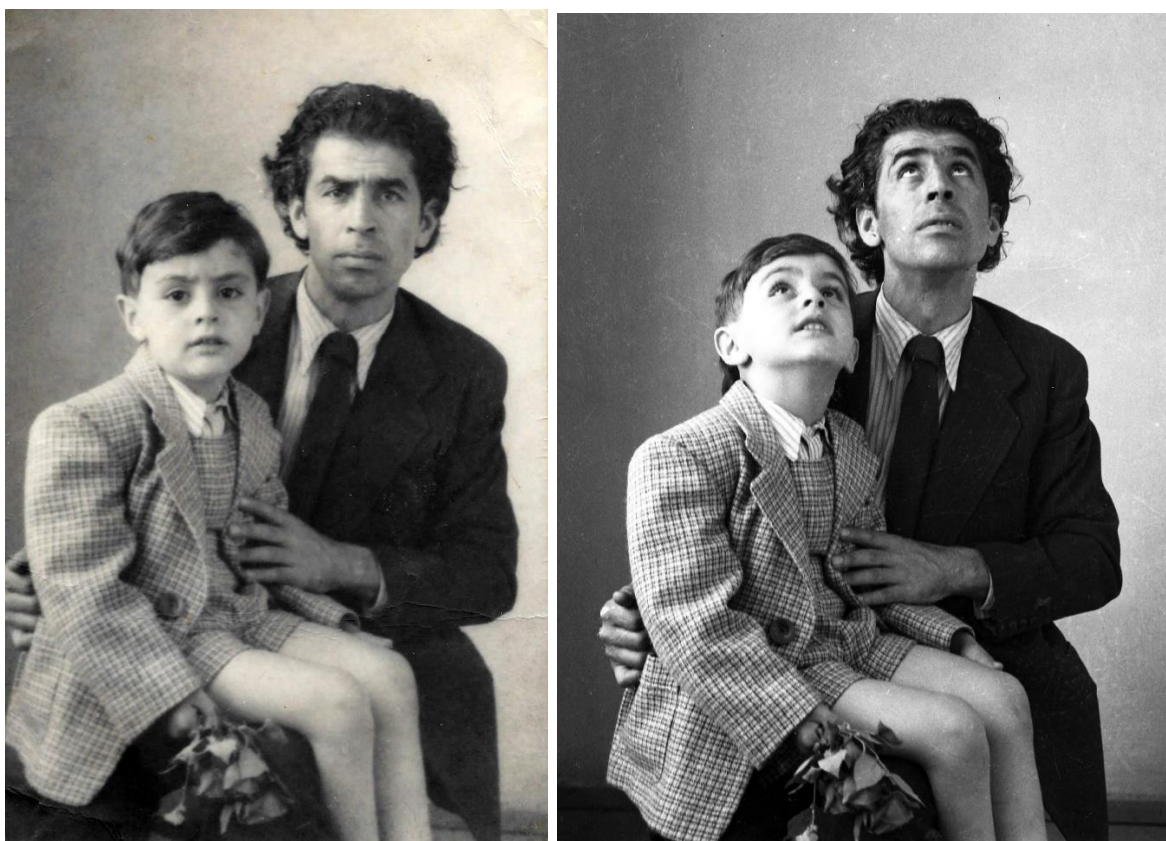
Мой отец, скульптор и художник Николай Багратович Никогосян, скончался 10 августа 2018 года, не дожив трех месяцев до своего столетия. На следующий день ушла из жизни его вторая жена, Этери Михайловна Никогосян, урожденная Тогонидзе, 1947 года рождения (точнее, 05.01.47). Я, Давид Николаевич Никогосян, сын Николая Багратовича (далее Н.Б.) от первой жены Тамары Аршаковны (далее Т.А.) Никогосян, урожденной Асламазян, 1921 года рождения (точнее, 30.03.21) родился 27 августа 1946 года в городе Ереване, столице советской Армении. Вернее сказать, моя мать, проживавшая и работавшая в это время в Москве, повезла меня в Ереван, родила и вернулась вместе со мной в Москву через несколько недель. Причина ее поездки была банальной - она родилась в многодетной семье (8 детей, из них 7 сестер и 1 брат, она была самой младшей). Ее отец (мой дед), талантливый армянский инженер и предприниматель Аршак Асламазян, к тому времени уже ушел из жизни, но все остальные члены семьи, моя бабушка Вардуи Асламазян, шесть сестер и брат были живы и здоровы и наверное поэтому моей матери хотелось родить первенца в Ереване, а не в Москве. К тому же в первые послевоенные годы в Ереване было намного лучше с продуктами, чем в Москве.

Была еще одна житейская причина, а именно, квартирная проблема. Хотя мой отец и мать жили в самом, что ни на есть, центре Москвы, в 20 метрах от квартиры Александра Блока, в 50 метрах от особняка Максима Горького и в 80 метрах от церкви, где венчались Александр Сергеевич Пушкин и Наталья Николаевна Гончарова. Однако жили они не в особняке стиля модерн, как пролетарский писатель, и не в квартире, как поэт серебряного века, а в комнате обыкновенного барака с фанерными стенами по адресу улица Алексея Толстого (ныне улица Спиридоновка), дом 8, где на три или даже четыре семьи приходился всего один водопроводный кран (рукомойник), а все так

называемые «удобства» были на улице и не отапливались [1]. К бараку было подведено электричество, но очень малой мощности, так что его едва хватало на освещение. Люди согревались, как могли: кто примусом, кто керосинкой, а кто и небольшой печкой. У нас тоже была печка, которую мама использовала для отопления и в холодный вечер перед сном нагревала нашу комнату в 9 м² до +30 градусов. Ложась в постель, она прижимала меня к себе, но к утру температура в нашем фанерном жилище падала, иногда даже замерзала вода в стакане на столе. Много позже моя мать говорила мне, что до сих пор не понимает, как я не умер в первую свою зиму. В этой же камерке мать готовила на керосинке еду, а отец работал. Однажды он притащил вращающуюся подставку (т.н. «станок») и глину, и вылепил меня играющим на полу. Эта работа пошла потом в серию и отец получил неплохой гонорар.

Хочу отметить, что описанное жилье было получено на мать, которая до этого уже имела работу в Москве («Военпроект»), а также снимала комнату на Малой Никитской улице, дом 16 (между 1948 и 1993 гг. называлась улицей Качалова). Отец же формально не работал, а учился (вернее, доучивался) в Московском художественном институте имени В.И. Сурикова (защитил диплом в 1947 году). Поэтому перед ним возникли одновременно две проблемы: мастерская и новое жилье. Сначала о мастерской. Гуляя по окрестностям вокруг своего барака, во дворе доходного дома братьев Армянских - Николая и Михаила (о существовании которых мой отец никогда и не подозревал!) по адресу Гранатный переулок, дом 2 (между 1949 и 1992 гг. этот переулок назывался улицей Щусева) он углядел промежуток шириной в 4 метра и длиной в 12 метров между домом купца Павлова по адресу Спиридоновка, дом 9 (между 1945 и 1994 гг. улица Спиридоновка называлась улицей Алексея Толстого) и домом Леонтьевых, дом 4, строение 2. И у него родилась гениальная мысль: «А что если закрыть этот никому не нужный проход стеной со стороны улицы Алексея Толстого и поставить крышу сверху? Ведь получится отличная мастерская!» Сказано - сделано! Я не знаю, как он добился своего, но к осени 1947 года у отца уже была мастерская. Она имела только один недостаток. На участке, который был выделен под мастерскую, находился канализационный

люк. Иногда в канализации случалось засорение и тогда воздух в мастерской существенно портился. О этом упоминается в одном из его автобиографических рассказов [2], правда жалоба исходила не от отца, а от его гостя, ночевавшего там. Отец же был очень доволен своей мастерской и проработал там до 1952 года.

Я и мой отец. Фотографии сняты в Ереване в 1951 году.

Теперь вернемся к поискам жилья. Мытарства отца описаны в его воспоминаниях [3]. Однако он нигде не говорит, как ему удалось найти подходящее жилье. Но мне (или при мне) он рассказал, как это было. Однажды стоя в очереди в продуктовом магазине (Спиридоновка, дом 25/20, стр.1), он вдруг громко произнес: «Товарищи! Помогите! У меня жена и двухлетний сын. Мне нужна комната в теплом, отопливаемом доме. Я заплачу хорошие деньги!» И вдруг одна женщина из очереди, по имени Софья Львовна, по-видимому, «из бывших», обратилась к нему: «А у вас какое-нибудь жилье имеется?» - «Да, маленькая комната в холодном бараке». - «Тогда, я наверное смогу помочь

вам». Отцу повезло, что у этой женщины, живущей в коммуналке, имелась соседка - алкоголичка и наркоманка (тогда это называлось морфинистка), которой постоянно нужны были деньги. И все соседи были рады от нее избавиться, только не знали как это сделать.

Отец заплатил требуемую сумму. Я не знаю сколько, но в одном из своих рассказов [3] он говорит о сумме в 20 тысяч рублей (очень примерно 30-40 месячных зарплат), которую он отложил на этот обмен. И мы переехали в небольшую продолговатую комнату площадью около 18 м² в доме за номером 8 по Вспольному переулку, в котором прожили до 1952 г.

Теперь небольшое отступление, вернемся в сегодняшний 2019 год. Я подумал, что хорошо бы приложить к моей рукописи фотографию этого дома. Я набрал на поисковике моего компьютера «Москва, Вспольный переулок» и, о чудо!, через несколько минут передо мной возникла фотография нашего дома.

Дом 8 по Вспольному переулку, где мой отец с семьей проживал с 1948 по 1952 гг.
Дом был разрушен в 1957 году. Два правых окна относятся к нашей комнате
размером 3 м х 6 м. Фотография взята с сайта www.pastvu.com

Как пел Петр Лещенко: «Нахлынули воспоминания...». Я мысленно открываю калитку и прохожу во двор. Слева несколько ступенек и вход в дом. Если идти

прямо, то начинается двор с деревьями. Позади двора возвышался доходный дом начала XX века, который и сейчас возвышается (дом 14 по Вспольному переулку), даже стал повыше после капитального ремонта. Наш же дом был разрушен в 1957 году и на его месте построили школу No.20, где позже учились три моих сестры. Если войти в наш дом и пойти направо, то попадаешь в кухню с керосинками и репродуктором (!), который во время войны передавал сигнал о воздушной тревоге (выла сирена), а в мирное время каждый час выдавал сигналы времени, вещал новости и объявления, а также транслировал музыку, классическую и советских композиторов. Если пойти налево, то попадаешь в коридор, идущий параллельно переулку, а в нем по обе стороны комнаты. Наша продолговатая комната площадью была первая налево. Там стояла тахта, круглый стол, моя маленькая кровать и шкаф, вот пожалуй и все. Однажды у нас прохудилась крыша и с потолка потекла вода. Я помню тазик на полу, в который капала вода. Во второй комнате налево (с тремя окнами !) жила семья вышеупомянутой Софьи Львовны. Однажды, меня там угостили клюквой в сахарной пудре. Я взял сначала один шарик, съел, потом попросил еще, мне разрешили и я набрал целую ладонь. Потом мне влетело от родителей. В третьей комнате налево жила девочка Галя, старше меня на год. У ней в комнате стоял огромный аквариум с рыбками, который мне очень нравился, и радиоприемник, который ловил даже заграничные (!) станции. Еще была одна комната направо, кто в ней жил не помню. Наконец, в конце коридора направо были две двери, в одной был туалет, куда я не ходил за молодостью лет (мне было только 2 года, когда мы там поселились и 6 лет, когда мы переехали в другой дом). В своих воспоминаниях [3] отец подчеркивает, что у нас в доме имелся «теплый» туалет. За другой дверью находился умывальник с краном, из которого круглый год текла чрезвычайно холодная вода. Когда меня определили в детский сад, то отец с утра тащил меня по коридору к этому умывальнику и мыл мое лицо этой холодной водой, при этом напевая:

Мой мальчик золотой, золотой, золотой,

В детский сад пойдет со мной, пойдет со мной, пойдет со мной!

Отец действительно приводил меня в детский сад по пути в свою мастерскую. Детский сад находился неподалеку, где-то возле пересечения улицы Алексея Толстого и Спиридоньевского переулка. Помню, что я там играл с большими кубиками (примерно 20 см x 20 см x 20 см) и однажды мне придавили таким кубиком ноготь на руке, который почернел и вскоре отвалился. Еще помню замечательное блюдо, которое нам давали в детском саду, а именно: поджаренные кусочки свинины с гарниром из квашеной капусты.

Ванны в доме не было. В то время все ходили мыться в баню. Меня в баню не брали, а мыли дома в тазике. Как-то раз моя неверующая мать отправилась в баню на пасху, хотя соседи ее отговаривали, мол это грех. И надо же, на обратной дороге поскользнулась на льду, упала, сломала руку (бог наказал, сказали соседи). Я помню, как мать кормит мою старшую сестру Назели, 1950 года рождения (точнее, 02.06.50) с загипсованной рукой, сестра с жадностью сосет грудь, а я в ужасе кричу: «Мама, мама, она тебе грудь откусит!»

Моя мать и старшая сестра Назели. Москва, 1952 г.

Наш домик на Вспольном переулке стоял в 300 метрах от особняка на улице Качалова, где жил Лаврентий Павлович Берия. Он часто прогуливался по Вспольному переулку в сторону Патриарших прудов. Позже отец мне рассказывал, как происходила такая прогулка. Впереди Лаврентия шли два охранника, по бокам еще два, позади еще два, и из каждого двора или подъезда также выглядывал охранник.

Обычно я гулял во дворе нашего дома, под наблюдением матери или домработницы, которые сменялись довольно часто, но все почему-то носили одно и то же крестьянское имя Дуся. Иногда отец брал меня за руку и мы шли гулять на Патриаршие пруды. Встречные женщины с детьми, взглянув на меня говорили: «Какой красивый мальчик!» Отец отвечал с гордостью: «Принимаю заказы!» В ответ иногда слышалось: «Хорошо, пришлю мужа на практику!»

В 1951 году отец потащил меня на выставку картин известного художника Петра Петровича Кончаловского (1876-1956), зятя великого русского живописца Василия Ивановича Сурикова (1848-1916). Отец подошел к Петру Петровичу со мной на руках и представляет меня:

Н.Б. «Это мой сын Давид!»

П.П. «Здравствуй, Давидка! Тебе понравилась моя выставка?»

С детской непосредственностью я отвечал:

Д.Н. «Выставка понравилась, а картины нет!»

П.П. «А почему?»

Д.Н. «Потому что вы нарисовали убитую лису. А почему не живую?»

Дело было в том, что в сороковые годы П.П. увлекался охотой и на его выставке было полно картин с охотничьими трофеями, истекающими кровью, которые мне (пятилетнему мальчику!) были неприятны. Интересно, что спустя 70 лет я по-прежнему испытываю неприязнь и к охоте, и к огнестрельному оружию.

П.П. Кончаловский, я и мой отец. Москва, 1951 г.

Наше следующее жилье находилось довольно далеко от центра Москвы, на улице Песчаной (сейчас это улица Алабяна), дом 10, корпус 1, квартира 44. Хотя это опять была коммунальная квартира (три семьи), но зато эта была новостройка. У нас теперь стало 34 м² жилой площади на четверых и еще в квартире имелась своя ванна! В то время большинство москвичей ходили мыться в баню. С соседями нам не совсем повезло. Одну комнату занимала семья бывшего армейского снабженца: Валентина Янченко с женой Людмилой и сыном Толей, простые, приятные и дружелюбные люди. В другой комнате, рядом с нашей, жила злая женщина по имени Соня с шестилетним сыном. Эта была вылитая старуха Шапокляк. У нас в квартире было заведено, что каждая семья пользуется ванной и умывальником два дня в неделю. Так вот эта Шапокляк в свои дни запиралась в ванне изнутри и никого туда не пускала даже руки помыть. Уходя на работу, она запирала своего сына в комнате и он зачастую плакал и просил еды, но мы не могли открыть дверь. Моя мать пыталась протолкнуть ему бутерброд под дверь, но щель была очень узкой и у нее ничего не получалось. Эта соседка писала всюду на нас несусветные жалобы, приходила милиция, но в конце концов нас всегда оправдывали.

Дом №10, корпус 1, на Песчаной улице, где наша семья проживала с 1952 по 1955 гг. Наша квартира находилась на пятом этаже на изгибе дома возле фонарного столба. Балкон на пятом этаже с окном (справа от фонарного столба) и дверью на балкон (закрыта фонарным столбом) относились к нашей комнате размером 34 м². Окно слева от балкона на пятом этаже - окно нашей кухни. Фото с сайта www.pastvu.com

Но в нашем подъезде жили и заслуженные люди, например, известный хирург-пульманолог Лев Константинович Богуш (1905-1994) с женой Тamarой. Как я сейчас обнаружил, семья Л.К. происходила из Каменец-Подольска, городка на Западной Украине. Там помимо еврейской общины, существовала и армянская. Поэтому немудрено, что моя семья подружилась с семьей Богуша. В 1956 году отца вместе с делегацией художников командировали в Италию и отец спросил Льва, что ему привезти из заграницы. Он сказал: «Мне лично ничего не нужно. Привези мне только полметра силиконовой трубки для моих операций». Отец привез Л.К. эту трубку и операции хирурга Богуша с успехом продолжались.

Родители сначала решили, что я должен посвятить свою жизнь музыке. Они отвели меня в близлежащую музыкальную школу, посадили на стульчик рядом с роялем, учитель нажал клавишу рояля и спел ноту «до», которую я должен

был повторить, потом ноту «ре» и т.д. Через десять минут он объявил моим родителям, что у вашего мальчика совершенно нету музыкального слуха. Я расплакался, обидившись, что этот учитель нашел меня «дефективным». После чего отец купил мне маленький детский этюдник с масляными красками и сказал: «Пускай рисует!» Во время своего первого пленэра, рисуя пейзаж, я так испачкался красками, что мать раздела меня догола, поставила в тазик, налила туда керосин и минут двадцать оттирала цветные пятна на моем теле, после чего вымыла меня теплой водой с мылом.

В марте 1953 года умер Иосиф Виссарионович Сталин. Я помню, как после артиллерийского салюта и гудков с разных заводов наступило траурное пятиминутное молчание. Весь транспорт, видимый из нашей кухни на пятом этаже, остановился.

В 1953 году я пошел в 1 класс 706 мужской средней школы. Напомню, что с 1943 года в СССР было введено раздельное обучение двух полов и это продолжалось до 1955 года. Во втором классе у нас уже были 3 или 4 девочки и это было очень неудобно для обоих полов. Причина была в том, что на этаже была только одна уборная и со звонком на перемену мальчики срывались с места, бежали в коридор и оккупировали туалет. А девочки отправлялись жаловаться учительнице, которая выгоняла парней из уборной и стояла на страже, покуда все девочки не сделают свои дела и не выйдут из туалета.

В январе 1954 года праздновалось 300-летие воссоединения Украины с Россией. На улице стояли лотки, с которых довольно дорого продавали (по 3 рубля штука) значки, посвященные этому событию. В это же время было объявлено о вхождении Крыма в состав Украины. Интересно, что ровно через 60 лет по инициативе одного влиятельного политика, в Крым были введены войска и он был возвращен в состав России. 2 апреля 1954 года родилась моя средняя сестра Мариам (Майка), а в марте 1955 года мы переехали в отдельную трехкомнатную квартиру площадью 70 м². Эта роскошная по тем временам квартира находилась на 5 этаже в высотном здании на площади Восстания (ныне Кудринская площадь), д. 1, кв.172.

Высотный дом №1 на площади Восстания (ныне Кудринская площадь), вид со стороны Баррикадной улицы, посередине подъезд № 4. Наша семья проживала в квартире 172 с 1955 по 1981 гг. Эта квартира находилась на пятом этаже. На снимке над головой статуи мужчины (автор Н.Б., справа) видно окно нашей кухни. Далее справа налево следуют: окно детской комнаты, балкон с балясинами - гостиная и следующий балкон (центральный на снимке) - спальня родителей. Фото с сайта www.pastvu.com

В этой квартире, помимо трех комнат, имелась небольшая кухня, ванная с душем, мусоропровод, туалет и небольшая кладовка над коридором, который вел из прихожей на кухню. В самой ближней к кухне комнате спали мои сестры и няня. Я спал на диване в средней комнате, которая также являлась гостиной. В ней стоял раскладной стол, буфет, стулья. В углу стоял телевизор. В спальне стояли два шкафа - мамин и папин, между ними располагалась кровать. В этой комнате стоял также книжный шкаф. И в спальне, и в гостиной имелись балконы. Единственным недостатком этой квартиры было то, что все окна были обращены на север, и поэтому солнце никогда в нашу квартиру не заглядывало. Моя мать говорила мне, что никогда от холода в Москве не страдала. А вот с

недостатком света она никак не могла смириться. Наша новая квартира находилась над гастрономом, который занимал четыре угловых помещения высотного здания. На первом этаже имелось отделение связи. В стилобате высотного здания располагались кафе-мороженое, кинотеатр «Пламя», а также другие заведения, какие сейчас уже не припомню.

С соседями нам очень повезло. В 1957 году в соседней квартире №173 поселилась очень интеллигентная семья из Финляндии (!), писательница Anja Vammeluvo (Аня, 1921-1988), ее муж Jarno Elisar Pennanen (Ярно, 1906-1969), писатель и корреспондент финской левой газеты Kansan Uutiset и их сын Jotaarkka (Йотарка, 1946 года рождения), с которым мы ходили в одну школу (но в разные классы) и, естественно, подружились. Это были удивительные люди. Дверь их квартиры была всегда приоткрыта. Я часто приходил к ним и иногда заставал их голыми, но они совершенно не стеснялись. Они привезли с собой несколько ящиков с книгами. Моя мать находила их несколько странными, она удивлялась, что они не копят денег, не покупают ковры или хрусталь, не ходят по ресторанам, и весь свой досуг проводят в театрах и на выставках. Моему отцу очень нравилась Аня, он как-то сказал об этом Ярно, а тот ответил: «В чем проблема, переспи с ней!» После чего отец ошеломленно рассказал мне об этом: «Ты представляешь, он предложил мне свою жену!» Чем эта история кончилась, я не знаю. Сейчас этим, я думаю, никого не удивишь. Но что очень важно, они (Аня и Ярно) оказали колоссальное влияние на творчество Н.Б., в короткое время он выработал свой живописный стиль, что-то в роде нео-фовизма (на мой непрофессиональный взгляд). Он рисовал картину за картиной и обсуждал их вместе с Ярно и Аней. Он дарил им свои картины, взамен заимствовал у них покрывала и интересные ткани для фона в портретах, а также замечательную финскую керамику марки ARABIA для использования в натюрмортах.

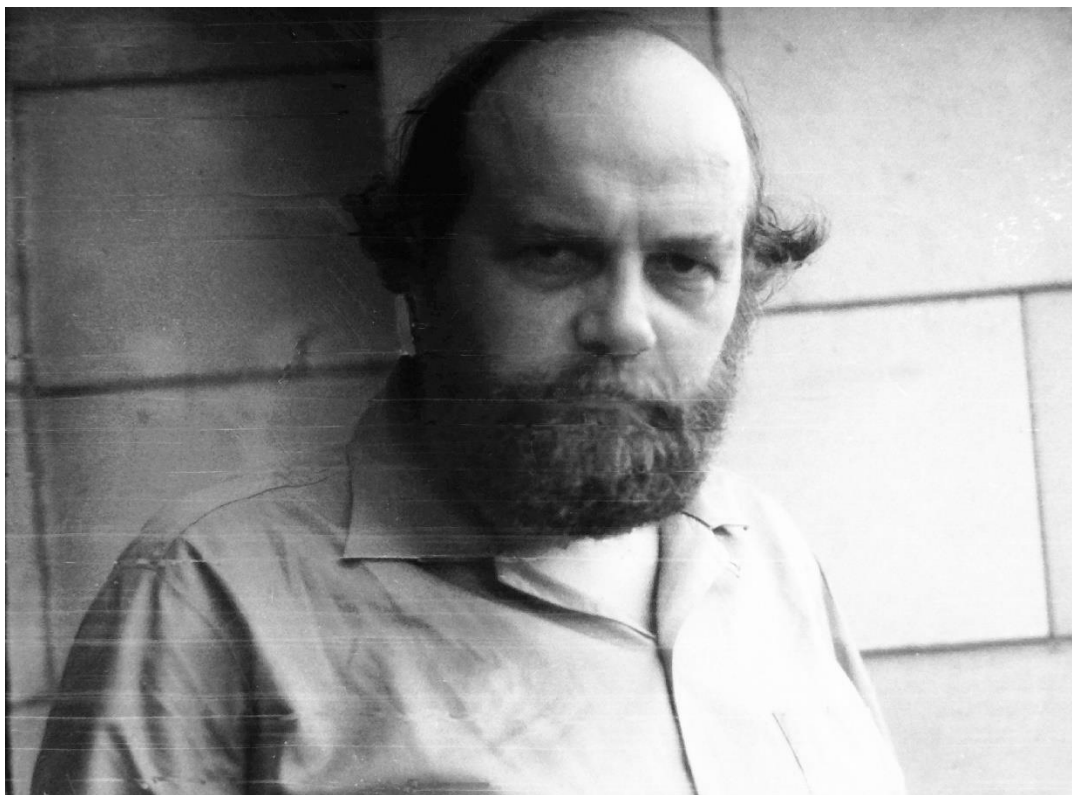
Верхнее фото: Наши финские соседи, Ярно и Аня, на балконе.

Нижнее фото: Н.Б. с Аней на балконе. 1959 г.

Внезапно вспомнил про финский Новый Год. Покупалась огромная елка с большими иголками и ставилась на видном месте. Никаких лампочек или фонариков, минимум стеклянных украшений, 3-4 шара. На елку вешались крестьянские украшения из соломы в виде кубиков, тетраэдров, плоских украшений, 5-6 штук, и прикреплялись несколько (менее 10) маленьких свечек. И все. Тушился верхний свет, зажигались свечи и вдруг все вокруг оказывались в лесу!

Аня на балконе в узбекском халате и в тубетейке. Москва, 1959 г

Верхнее фото: Ярно. 1959 г. Нижнее фото: Йотарка, сын Ани и Ярно, 1959 г.

Натюрморт, написанный Н.Б. в 1959 году. Ткань в клетку позаимствована у финских соседей. Цветы из маминой «оранжереи». Этот натюрморт был буквально спасен мною где-то в конце 70-ых годов. Отцу для новой картины понадобился подрамник с натянутым чистым холстом, он его не нашел и решил «записать» этот шедевр другой картиной. К счастью, мне удалось отговорить отца от этой «операции». Фото автора.

Моя семья и домашние животные.

Весной 1957 года наша мать, проходя по Арбату, купила нам трех цыплят. Мы назвали их Дацып, Нацып и Мацып (сокращения от Давидкин цыпленок, Нанкин и Майкин) и покрасили спинки цыплят в разные цвета, чтобы их различать. Мы сделали, конечно, домик для цыплят, кормили их, убирали за ними и даже выносили на улицу. К лету двое цыплят, принадлежащих сестрам, сдохли, а мой оперился и превратился в молодого петушка. Летом мы отвезли его на дачу, которую мы снимали на Николиной горе и он жил там вместе с курами хозяина. Однако через два года он превратился в очень драчливого петуха и хозяин попросил нас его забрать. В итоге в день моего 13-летия мать сварила из него очень вкусный бульон, я ел этот бульон и плакал.

У нас в доме также жили некоторое время канарейки и волнистые попугайчики. Канареек завел Н.Б., который увидел/услышал канареек в одном доме и пожелал иметь/слушать их у себя дома. Все шло хорошо, но мы стали выпускать канареек и попугаев во время чистки клеток, они летали по квартире и садились на висевшие ковры, в результате все ковры в квартире были загажены. Я уже не помню, куда мы их дели, скорей всего, выпустили на волю. У нас под окнами располагался зоопарк, где кормилась много диких птиц.

Осенью 1960 года я отправился на птичий рынок на Таганке вместе с приятелем (Вовка Архипов) и был так удивлен количеством и разнообразием рыбок в продаже, что завел у себя несколько аквариумов, поставил их на свой рабочий стол, постоянно наблюдал за поведением рыбок, вел «рыбный дневник» и даже разводил рыб. Родители не препятствовали моим экспериментам, а мать даже разрешала ставить в холодильник банки с кормом для рыб (мотыль). Это моя страсть длилось года полтора.

Наконец, в сентябре 1965 года у нас появился щенок (мальчик) породы эрдельтерьер. Мы назвали его Фобер. Он вскоре стал всеобщим любимцем. Моя средняя сестра (Мариам) ходила с ним в собачью школу. Как-то мать зашла в мясной отдел нашего гастронома и не подумав, сказала: «Дайте мне кусок мяса

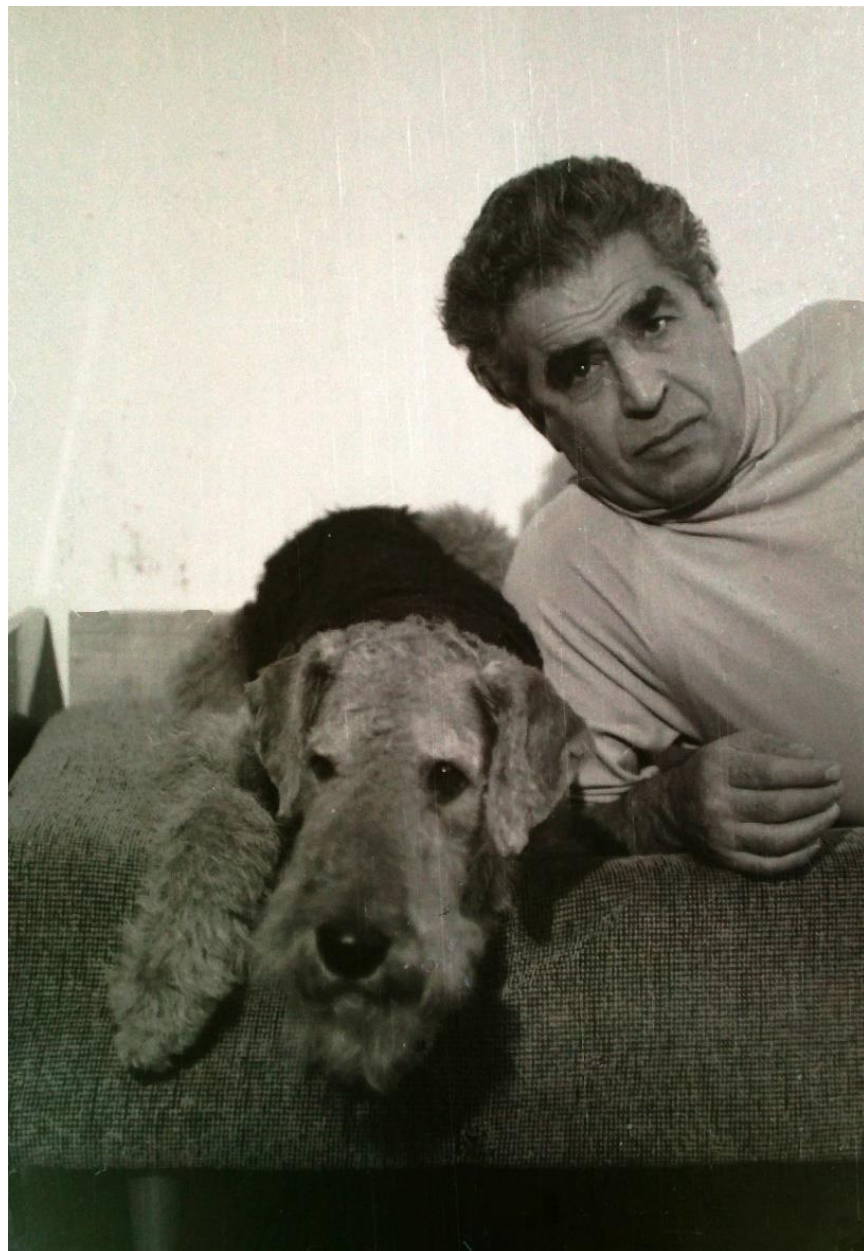
помягче, мне для собаки». И была удивлена, с какой злостью на нее посмотрели люди из очереди.

В 1967 году перед октябрьскими праздниками мы всей семьей, включая собаку, полетели на неделю в Ереван. Во время полета всем нам, кроме Фобера, предложили небольшой обед. Отец возмутился: «Как же так, мы заплатили за собаку, а вы ее не кормите?» Стюардесса сказала: «Сейчас что-нибудь придумаем!» и через некоторое время принесла тарелку с кусками шашлыка, наверное, приготовленного для пилотов. Фобер с удовольствием накинулся на мясо, а Н.Б. обернулся к Т.А. и тихонько сказал: «Шашлык замечательный! Я и сам бы сейчас кусочек забрал у собаки и съел, да при людях неудобно!»

Другая история произошла поздней осенью в 1968 году. Я гулял с собакой поздно вечером часов в девять по Большому Конюшковскому переулку. Так как вся эта территория отходила к посольству США, дома стояли пустыми, окна и фонари не горели, так как весь прилегающий район был обесточен. Мы дошли до Большого Девятинского переулочка и наткнулись на девочку, прогуливающую сучку той же породы, что и наш кобель. Фобер обнюхал сучку и сразу набросился на нее. Я с трудом оттащил его, пристегнул к его ошейнику поводок и отвел его обратно до площади Восстания. После чего я отстегнул поводок и дал команду: «Фобер, гулять!» Фобер по-своему понял мою команду, развернулся и изо всех сил помчался к своей пассии. Когда я прибежал к нему, он уже заканчивал свое «черное дело». Я сказал девочке, чтобы она позвала кого-нибудь из взрослых, и пока ее не было, попытался стащить Фобера за хвост с сучки, но это у меня не получилось. Но вскоре он закончил свое дело, слез с сучки, подошел ко мне и я опять пристегнул к нему поводок. Тут подошла женщина средних лет, владелица сучки, и с грустью произнесла: «А ведь мы так не хотели новых щенков!»

Мы с псом вернулись домой и я сказал отцу: «У нас большие неприятности. Фобер такое напартачил!» «А что случилось?» «Он изнасиловал другую собаку!» «И правильно сделал!» Наутро он позвонил женщине, у которой мы купили Фобера, и она через пару дней нашла фамилию и адрес владелицы этой сучки.

Оказалась, что она художница, знакомая Н.Б. Мой отец купил бутылку шампанского и отправился к ней в гости - мириться. Но тут возникла еще одна трудность: эта сучка оказалась теткой нашего Фобера. Чтобы продать будущих щенков, пришлось за дополнительное вознаграждение слегка переделывать родословные обоих собак.

Пес Фобер и Н.Б., Москва, 1968 г.

Как мой отец пытался сделать из меня поэта.

Ко времени переезда в новую квартиру в высотном доме на площади Восстания (май-июнь 1955 года), я бросил рисовать и начал писать стихи. Теперь отец видел мое будущее в литературе. Выдержки из моего детского дневника, приведенные внизу, хорошо демонстрируют наши отношения.

=====

16.12.56 Воскресенье.

Сегодня я начинаю вести дневник, хотя пробовал уже два раза, но ничего у меня не получалось. Итак я сижу на диване в доме номер один на площади Восстания. Не буду долго описывать мою квартиру, только прибавлю, что она находится на 5 этаже и имеет номер 172, а буду описывать себя. Я учусь в 97 школе, получаю хорошие отметки. Еще я пишу стихи, у меня их около 60. Я учусь в 4 классе, моя старшая сестра [Нана] в 1 классе, а моя младшая сестра [Мариам] в школу не ходит, ей почти три года.

17.12.56 Понедельник.

Сегодня я встал в 11 часов, а уроки в школе начинались в 2 часа 15 минут. Я быстро оделся, покушал, и сел делать уроки. Сперва я сделал арифметику. Потом поднялся [на 7 этаж] к Илоне [моей однокласснице] за учебником русского языка, потому что у меня он потерялся. Сделав русский, я пошел к Илоне, отдал учебник и взял почитать книгу Киплинга «Маугли». В половине второго пошел в школу. Придя из школы, я покушал и пошел в библиотеку. Там я взял книгу В. Гюго «Козетта». После чего я переплел дневник. Вы видите его сейчас в синей обложке, а он когда-то был в серой.

18.12.56 Вторник.

Сегодня я встал утром, посмотрел в окно, и увидел, что небо пасмурное. Все это было похоже на строчку из стихотворения Пушкина: «Погасло дневное светило...», хотя эта строчка относится к другой мысли. Но часов в

двенадцать выглянуло солнце, и снег засверкал так, что даже я был восхищен. «Какие чудеса может творить природа» - думал я - «для нее это сущий пустяк!» Вечером я делал елочные игрушки, и думал о стихотворении, которое должен был написать завтра.

19.12.56 Среда.

Сегодня я заметил, что зима у нас очень похожа на весну. Стояла сырая погода, везде было грязно и даже небо было грязного цвета. Сделав уроки, я пошел в поликлинику на смазывание горла, и потом очень горевал, что не написал стихи. А папа сказал, чтоб я написал стихотворение завтра. Удастся ли мне написать стихи или нет?

20.12.56 Четверг.

Сегодня опять не написал стихи. Я думал, что папа меня будет ругать, но папа ругать не стал. На улице трещит мороз, хотя снега совсем нет. Выпилил и склеил из фанеры полочку для карандашей. Ее осталось только покрасить.

21.12.56 Пятница.

Сегодня папа узнал, что Илона занимается английским языком, и велел мне позвать учительницу. Папа и мама ходили на курсы английского языка и хотели чтобы я тоже занимался. Учительница поговорила со мной, согласилась и сказала, что первый урок будет во вторник в 9 часов. Еще сегодня я написал стихи. Вот они:

Зима.

*Пришла и собой заслонила
Скуку осенних дождей
Начало года возвестила
Начало зимних дней.*

*Тихо, бело стало в роще
Зеленая лишь ель
И во дворе за окошком
Воет уныло метель.*

*Бывает очень редко
Солнца луч во мгле блеснет
Озаряя алым светом
Грязно-серый небосвод.*

Папа сказал, что они хорошие. И еще теперь я знаю шесть английских букв.

29.12.56 Суббота.

Сегодня был последний день второй четверти. Я получил за четверть сниженные оценки. Если в первой четверти у меня было 7 пятерок и 3 четверки, то во второй четверти у меня 5 пятерок, 4 четверки и одна тройка по физкультуре. Ещё я сегодня получил письмо от своего товарища Миши, который живет в Риге, и написал ему ответ.

30.12.56 Воскресенье.

Сегодня исполнилась вторая неделя с того дня, как я веду дневник. Я встал в одиннадцать часов. Погулял с Мишей [Михаил Посохин младший, 1948 года рождения] два часа. Потом Миша пригласил меня к себе украшать ёлку. После этого мы пошли ко мне и тут папа сказал, что если я не напишу стихи, то он не будет мне больше разрешать приглашать Мишу в гости. Я пошел в детскую комнату и задумался, какие бы стихи написать. Мне пришли на ум всего четыре строчки.

Новый год.

*Пришло долгожданное время
Затихло в столице сейчас
Бьют звонко на башне куранты
Бьют громко в двенадцатый раз!*

Закончу завтра. Кончаю, иду спать.

31.12.56 Понедельник.

Сегодня наступил последний день 1956 года. Еще вчера мне папа сказал, что я веду дневник грязно и сделал ошибку в слове «одиннадцать». Нужно было написать две буквы «н», а я написал только одну. Сегодня я написал продолжение стихотворения «Новый год».

*С новым счастливым годом
Родная столица Москва,
Для всех людей советских
Ты вечно будешь близка!*

Но стихи папе не показал. Новый год мы встречали впятером - мама, папа, Размик [кузен], Ольга Васильевна [няня] и я. Когда Кремлевские куранты пробили в двенадцатый раз, у меня замерло сердце. Наступил Новый год.

01.01.57 Вторник.

Сегодня, проснувшись утром, я обнаружил около постели картонную коробку с подарками. Мне подарили две рубашки, авторучку (которой я сейчас пишу), яблоко, шоколад, апельсин, и, самое главное, календарь, в котором есть выкройки самоделок. И тут папа позвал меня и сказал, чтобы я почитал ему последние стихи. Когда я почитал, он сказал, что это не стихи, а проза, и что нет мыслей. Папа сказал, что лучше вообще не писать стихи, чем писать

плохие. Я заплакал. «Как же я могу не писать стихи? Я ведь три года рисовал и бросил, как же я могу не писать стихи? Если я буду выбирать профессии так, то куда же я пойду после школы?» Папа сказал, что даёт мне полную свободу. Он хочет, чтобы я писал стихи по собственному желанию. Сегодня мы с Мишей начали делать модель паровоза.

02.01.57 Среда.

Сегодня я продолжал делать с Мишей модель паровоза. Если мы вчера сделали паровой котел и раму, то сегодня склеили топку паровоза и будку водителя. Стихи я сегодня не писал, а вечером смотрел по телевизору концерт Ива Монтана [Yves Montand]. Хотя он спел всего двадцать одну песню, да ещё на французском языке, я понял, что это замечательный человек.

03.01.57 Четверг.

Сегодня я закончил модель паровоза. Еще к нам вчера пришла в гости Гаянка Дохикян, мать которой знакома моей мамы. Она вместе со своей мамой остались у нас вчера ночевать. Гаянка учится в пятом классе и как я люблю много читать. Сегодня с утра она начала читать книгу «Приключения Чиполлино». Потом они ушли домой, но через два часа вернулись. Оказывается, они ходили в баню, а баня была в этот день закрыта. Тогда они пришли к нам помыться.

15.01.57 Вторник.

Я еще во второй четверти узнал, что с третьей четверти у нас вместо географии и естествознания будут история и чтение. Учительница объявила, что у нас есть 20 учебников истории на 36 человек, и что нас разделят на пары, чтобы полдня один ученик читал учебник, а потом полдня другой. Меня объединили с Илоной, потому что мы близко живем.

16.01.57 Среда.

Все идет своим чередом. Сегодня я с папой пошел в мастерскую архитектора Руднева, который недавно умер. Там я смотрел его работы, а папа вместе с его друзьями составлял чертёж одного памятника. Меня попросили почитать стихи, стоя на лестнице. Я сказал, что мне ещё рано читать стихи, стоя на возвышении, потому что они у меня не такие хорошие, как у настоящих поэтов.

17.01.57 Четверг.

Я забыл написать, что во вторник мама ходила в школу на родительское собрание, и там ей сказали, что школьникам надо смотреть по телевизору только детские передачи. Я на детскую передачу не успел, а смотреть передачу для взрослых мне не разрешили. Тогда я погорячился, и сказал, что все ребята смотрят, а я не смотрю.

18.01.57 Пятница.

Сегодня мне папа объяснил, что я вчера ошибся. Он сказал, что в мои двенадцать лет он был наборщиком в типографии и больше работал, чем отдыхал. И поэтому я поступил неправильно.

27.01.57 Воскресенье.

Исполнилась шестая неделя с того дня, как я начал вести дневник. Ко мне пришли сегодня гости. Я пригласил шесть человек, а пришли только двое, Миша и Гаянка. Я смотрел с ними телевизор, а потом пошел гулять.

28.01.57 Понедельник.

Сегодня я задумал написать стихи под заглавием «Книга.»

29.01.57 Вторник.

Сегодня я написал стихи. Когда я прочел их папе, то он как-то внимательно посмотрел на меня. Я догадался, что стихи надо дополнить.

30.01.57 Среда.

Сегодня я дополнил стихи. Вот какие они стали.

Книга

Старая растрёпанная книга...

Ты думаешь: «Что толку в ней?»

А знаешь ли ты сколько знаний

Скрывается в книге твоей!

Можно с книгой спуститься в глубины

Полететь на Марс, на Луну,

Заморские страны увидеть

И в будущем нашу страну.

Узнаешь ты древние страны

Как вёл Магеллан корабли

Как били лавой вулканы,

Изменяя облик Земли.

Хотя стара она, и помята,

Она дороже серебра и злата.

Много пользы скрывается в ней,

Разорванной книжке твоей.

31.01.57 Четверг.

Сегодня мы ходили с папой в Детгиз. Папа хотел напечатать мои стихи, но там сказали, что я должен сначала подрасти до 16 лет, и дали мне список книг, которые я должен прочитать.

03.02.57 Воскресенье.

Сегодня я написал стихи «Лес.», но они мне не понравились и я решил их дополнить и обработать.

04.02.57 Понедельник.

Сегодня стихи не дополнил.

05.02.57 Вторник.

Сегодня случилось вот что. У нас в школе заведено, что каждый год пятого февраля устраивается вечер для её выпускников. Попасть на этот вечер могли только те ученики из младших классов, которые занимаются в балетном кружке и участвовали в праздничном представлении. Но я попал. Илона сказала мне, что ей будет страшно идти одной вечером по [Большому Конюшковскому] переулку в школу и попросила проводить её. Я согласился. Она сказала, чтоб я взял с собой деньги, потому что в школе будет лотерея. Я спросил: «Что такое лотерея?» Илона ответила: «Придёшь и увидишь!» Оказывается, это было вот что. В пионерской комнате стоял длинный стол, на нём лежали статуэтки, карандаши, шары, кольца, записные книжки, пепельницы, книги, шкатулки и другие интересные вещи. Еще стоял ящик со свернутыми в трубочки бумажками. Надо было заплатить 1 рубль, и тогда тебе разрешат выбрать бумажку. Я вытащил семь бумажек, из них четыре пустых и три подписанных. На одной было написано «шар», на другой «записная книжка», на третьей «кольцо». Я все эти три вещи выиграл.

06.02.57 Среда.

Сегодня переименовал название стихов «Лес» на «Юный путешественник». Но стихи от этого лучше не стали, а стали хуже.

07.02.57 Четверг.

Снова сменил название стихов «Юный путешественник», теперь на «Зимний лес».

08.02.57 Пятница.

Сегодня у меня был урок английского языка. Я теперь знаю весь английский алфавит.

09.02.57 Суббота.

Сегодня закончил стихи «Зимний лес». Вот они.

Зимний лес.

*Стоит задумчивая елка
В одежде прекрасной своей
С воем проносится ветер
Через просторы полей.*

*Над занесенным лесом
Бушует злая метель
Она и кричит и стонет,
Но не внимает ей ель.*

*Погружена в свои мысли
Вспоминает летние дни
Как жизнерадостно, весело
Как быстро промчались они.*

*Но тут успокоился ветер
Месяц разлил мягкий свет
Такое прекрасное зрелище
Увижу ещё раз иль нет.*

10.02.57 Воскресенье.

Сегодня читал папе стихи «Зимний лес». Папа сказал, что стихи хорошие, только слова в четвертом столбце «Но тут» надо заменить.

11.02.57 Понедельник.

Сегодня исправил выражение «Но тут» на слово «Улетел».

12.02.57 Вторник.

Сегодня папа дал мне тему для стихов. Тема: «Арарат».

13.02.57 Среда.

Сегодня стихи не писал.

14.02.57 Четверг.

Сегодня написал стихи, но не обработал.

15.02.57 Пятница.

Сегодня я обработал стихи и показал папе, но папа сказал, что нужно их дополнить.

16.02.57 Суббота.

Сегодня исполнилось два месяца, как я веду дневник.

01.03.57 Пятница.

Сегодня папа объяснил мне мои ошибки, сделанные при написании последнего стихотворения. Я не ощущал того, что писал, а выдумывал, брал всё из головы. Настоящий поэт должен наблюдать природу и записывать её в стихах.

02.03.57 Суббота.

Сегодня к нам в гости пришла поэтесса Наталья Кончаловская. Я ей читал свои стихи. Она сказала, что некоторые слова у меня в стихотворениях лишние, а некоторых слов не хватает.

=====

В течение двух-трех лет после описанных событий, я продолжал писать стихи. Отец отвел меня в детский литературный кружок в библиотеке имени Ломоносова на Пушкинской площади, который вел литературовед Владимир Иосифович Глоцер (1931-2009) - секретарь известного детского писателя, поэта и переводчика Самуила Яковлевича Маршака (1887-1964). В нашем кружке по воскресеньям мы читали и обсуждали лучшие образцы русской литературы, а также опусы членов кружка. Через некоторое время я стал критически относиться к своему творчеству. Я понял, что мне никогда не удастся достичь тех высот, какие хотелось видеть моему отцу. После чего я решил делать научную карьеру, выбрав область, где отец будет лишен возможности влиять на меня.

После переезда на площадь Восстания, я учился в 97 школе, с 3 по 9 классы включительно. В школе было 10-летнее обучение, позже в начале 60-ых годов было введено 11-летнее образование. Мне нравилась эта школа. У нас была неплохая библиотека и мастерская для обучения слесарному мастерству. Был очень хороший буфет, где можно было купить бутерброд или пирожок и выпить стакан чая. Были хорошо оборудованные кабинеты биологии, физике и химии.

Наша учительница химии Иванова Мария Васильевна, пожилая женщина лет 55-ти, оставалась с нами (я, мой сосед по подъезду Саша Конов, старше меня, на пару лет, плюс еще 1-2 парня) после уроков и предоставляла нам любые реактивы после обсуждения опытов и техники безопасности. Помню, мы синтезировали различные краски, в том числе знаменитую ярь-медянку, и даже делали небольшие взрывы с бертолетовой солью. Еще мне запомнились уроки математики. Преподавательница математики Носова А.П., молодая женщина лет 35-ти, любила задавать сверх обычных, еще и дополнительные задания, а мне всегда нравилось поломать голову над их решением. Она совершенно искренне хвалила меня перед всем классом: «Эх вы, темные головы! Только у Никогосяна светлая голова!» Хотя по цвету волос все было наоборот. Наш классный руководитель и преподаватель литературы, водил нас на литературные экскурсии. Помню, как мы отправились на автобусе в Ясную Поляну и после осмотра музея шли пешком два дня (с ночевкой у костра) до ближайшей станции железной дороги.

В 1961-1962 годах, я увлекся транзисторными радиоприемниками. Отцу дали на время японский карманный радиоприемник фирмы NEC (Nippon Electric Company), слово Nippon переводится как «Япония». Я не мог оторваться от этого чуда. Он звучал и дома, и на прогулке, а с помощью наушников его можно было слушать одному, например, ночью в постели под одеялом. Я тут же решил заняться радиолобительством. Вначале я собрал детекторный радиоприемник, используя обычные радиодетали (перестраиваемый конденсатор, емкость, наушники, полупроводниковый диод), а остальные узлы (индукционная катушка и антенна) сделал сам. Потом, используя схему, напечатанную в журнале «Юный Техник», я решил построить коротковолновый приемник прямого усиления на полупроводниковых транзисторах (триодах). Казалось бы, все было ясно и просто. Но на деле оказалось совсем по другому. Здесь стоит отметить, что в радиомагазинах того времени нужные мне триоды (например, П401) почти полностью отсутствовали! Я потерял массу времени, пока не догадался обратиться к молодым парням, постоянно толкающихся в магазинах ПИОНЕР (на улице Горького, ныне 1 Тверская-Ямская улица, вблизи

Белорусского вокзала) и РАДИОТОВАРЫ (на Пятницкой улице). Эти парни обычно носили пиджаки. Они завлекали клиентов в ближайшую подворотню и, распахнув свои пиджаки, демонстрировали триоды, диоды и другие дефицитные товары, прикрепленные к внутренней стороне пиджаков. Я думаю, что эти «мальчики» торговали деталями, которые выносились их родственниками из «почтовых ящиков» (молодых читателей, не знающих этот термин, я отправляю к [4]). Я спаял из добытых деталей коротковолновый приемник, собранный в пластмассовой коробке 20 см х 10 см х 6 см, и он заработал, правда, не с первого раза. Видимо, я сразу не освоил «точечное паяние» и испортил (сжег) несколько триодов. Пришлось вновь побегать по радиомагазинам (вернее, по близлежащим подворотням).

Описанные трудности в работе с полупроводниковыми транзисторами слегка охладили мои радиолюбительские страсти. Но существовала и другая причина для этого. С юношеских лет, посмотрев французский фильм «Если бы парни всего мира...», я мечтал иметь у себя радиоустановку «приемник/передатчик» и разговаривать с радиолюбителями, находящимися за границей. Но я, как и все молодые мечтатели, был наивен. Оказалось, чтобы получить разрешение построить такую установку, нужно было вначале выучить азбуку Морзе и сдать соответствующий экзамен. К тому же, даже сданный экзамен не давал права говорить с радиолюбителями всего мира на темы, отличающиеся от технических условий приема/передачи. Короче, радиолюбительство того времени явно имело военный уклон.

Отвлекаясь от моих юношеских устремлений, хочу отметить, что в течение моей жизни мне повезло быть свидетелем многочисленных технических нововведений (или даже революций), произошедших за последние 60 лет:

- 1) появление шариковых авторучек и исчезновение перьевых;
- 2) появление транзисторных приемников;
- 3) появление карманных счетных машин;

- 4) появление (и исчезновение) телефонных карточек;
- 5) появление (и исчезновение) фотоаппаратов, печатающих фотографии;
- 6) появление мобильных телефонов;
- 7) появление фотоаппаратов без фотопленок;
- 8) появление компьютеров;
- 9) появление принтеров;
- 10) появление Интернета;
- 11) появление компьютерной почты;
- 12) появление смартфонов.

Не могу сказать, что все эти новшества были безупречно полезными. Например, появление смартфоновских «чатов» привело к тому, что молодежь совсем не пишет писем, и, что значительно хуже, перестает читать. Дети больше не требуют книг от родителей, зато раз в году требуют новый смартфон.

Заканчивая изложение моих отношений с отцом в отрочестве, скажу, что закончив в 1962 году 9 класс 11-летней дневной средней школы, я решил перейти в 10 класс 10-летней вечерней школы. Это давало мне двухкратную возможность поступления в высшую школу. С другой стороны, чтобы меня зачислили в вечернюю школу, мне было необходимо устроиться на работу. Отец устроил меня на временную работу в Институт физики Земли (ИФЗ АН СССР), который находился на Большой Грузинской улице, недалеко от моего дома на площади Восстания. Вопреки моим ожиданиям, учиться в вечерней школе №45 было гораздо приятней, чем в дневной. Ко мне относились как к взрослому человеку, а не как к подростку. Желая окончить школу со всеми пятерками (золотая медаль), я попросил разрешения пересдать пару экзаменов (по которым у меня были четверки) и мне пошли навстречу. Отработав пару месяцев в ИФЗ, я был уволен ввиду окончания срока контракта. Я спросил у завуча вечерней школы, нужно ли мне снова оформляться на работу. Она

ответила: «Для нас не нужно, у нас уже есть одна справка с твоей работы!» Я был очень рад, что получу возможность хорошо подготовиться к экзаменам для поступления в институт. В мае 1963 года я закончил вечернюю школу с золотой медалью и отнес свои документы в приемную комиссию физфака МГУ. Там приняли без замечаний все мои бумаги, я сдал 5 экзаменов, в том числе математика, устный и письменный - 2 пятерки (похваляюсь, такой результат получили только 30 абитуриентов из 14 000 поступающих), физика - четверка, сочинение - пятерка, и еще вроде бы экзамен по химии, точно не помню, тоже на четверку). Это давало мне 23 балла + три оценки из аттестата 15 баллов, всего 38 баллов из 40 возможных. Проходной балл был 35. Но когда вывесили список 450 принятых студентов, своей фамилии в этом списке я не нашел.

Как оказалось, приемная комиссия придралась к моей биографии, в которой я по наивности написал, что во время обучения в вечерней школе работал только два месяца. Я записался на прием к проректору МГУ Григорию Даниловичу Вовченко. Он обратился ко мне как судья к подсудимому: «Молодой человек! У вас, оказывается, испорченная трудовая биография! Вы с детства пошли по кривой дорожке. Таких бессовестных людей, как вы, мы не можем принимать в Московский Университет - Храм Науки!» Но как оказалось, он был не совсем прав. Меня с моими оценками тут же приняли на вечернее отделение физфака и пообещали позже перевести на дневное отделение. Опять встал вопрос трудоустройства. Отец вначале обратился к своему другу, известному физику, академику П.Л. Капице (1894-1984): «Петр Леонидович! Возьмите к себе в лабораторию на полгода моего Давида!» Но П.Л. заупрямился. «У меня сотни желающих работать в моей лаборатории, если не верите, вот скоросшиватель с заявлениями!» Но отец даже не стал заглядывать в скоросшиватель, мы откланялись и ушли.

Зато позже мне повезло. С той же просьбой отец обратился к своей модели, известному физхимику профессору МХТИ Исааку Ильичу Китайгородскому (1888-1965). Этот пожилой человек, узнав о моих злоключениях, сказал, что немедленно возьмет меня к себе на кафедру. Он стал рассказывать, как в

начале XX века поступал в Киевский Политехнический Институт. В то время для абитуриентов из еврейских семей существовало серьезное ограничение, их на курсе не должно было быть больше чем 2 - 3 % от общего числа студентов (точно не помню). Поэтому, чтобы попасть в число избранных, И.И. пришлось заниматься дни и ночи. В результате он настолько перенапрягся, что пару месяцев после зачисления никак не мог отоспаться.

Когда я появился у него на кафедре стекла и ситаллов Менделеевском химико-технологическом институте (МХТИ), он распорядился, чтобы меня по очереди обучили всем технологиям приготовления стекла и сопутствующим методикам измерения, как-то: приготовление шихты (исходного состава), плавка стекла при определенной температуре, выливание жидкого стекла, охлаждение до комнатной температуры, измерение плотности и коэффициента линейного расширения и т.д.. При этом никто меня не подгонял, не давил на меня и не смеялся над моей неопытностью. Это были вроде бы как *игры для несмышленного ребенка*. Они открыли мне всю прелесть экспериментальных научных исследований, и я понял, что это мое призвание. Я никогда не забуду доброту И.И. и эти полгода работы в МХТИ.

Через полгода, вследствие отчисления некоторых студентов, на дневном отделении физфака МГУ возникли квоты, в результате чего я благополучно перевелся с вечернего отделения на дневное. В 1969 году я закончил физфак МГУ и распределился в Институт спектроскопии АН СССР. В 1977 году я защитил кандидатскую диссертацию на тему «Исследование нелинейного преобразования ИК излучения в видимый диапазон» и в 1988 году докторскую диссертацию на тему «Двухквантовая фотоника нуклеиновых кислот». В 1991 году я впервые уехал на заработки за границу и работал в Германии, Италии, Франции, Великобритании. В 1997 году я поселился в Ирландии в городе Корк и до 2011 года работал в местном университете. Потом меня в 65 лет прогнали на пенсию. Мои справочники по лазерным материалам и нелинейным кристаллам были изданы в ФРГ, Великобритании, США и Китае в 1989-2009

годах и до сих пор продаются и пользуются большим успехом. В 2004 году меня избрали почетным членом Американского Оптического Общества.

Когда я учился в Университете, Н.Б. говорил о моей профессии: «Мой сын - физик!» Позже, когда я работал в Институте спектроскопии, отец говорил обо мне: «Мой сын занимается лазерами!» И наилучшей похвалой для меня была фраза, произнесенная одним из сотрудников Института спектроскопии, когда туда приехал Н.Б.: «*Отец Никогосяна* посещает наш Институт!»

Армянский мигрант в послевоенной Москве.

В 1945 году мой отец, Николай Никогосян, садится на поезд и едет в Москву. В то время не было прямого железнодорожного сообщения между Ереваном и Москвой, был пассажирский поезд Ереван - Тбилиси, два последних вагона которого прицеплялись к экспрессу Тбилиси - Москва. Путешествие из Еревана в столицу занимало четыре с половиной дня. Отец едет не один, он берет с собой одиннадцатилетнего племянника, что говорит о его серьезных намерениях сделать карьеру в Москве. Анализируя сегодня его достижения за первые 10-12 лет московской жизни, поражаешься, как много он сделал.

Во-первых, он закончил свое художественное образование, прерванное в 1941 году, защитив на отлично в 1948 году дипломную работу под руководством великого русского скульптора, профессора Александра Терентьевича Матвеева (1878-1960).

Во-вторых, он легко и быстро вошел в московскую культурную элиту, еще в 1946 году познакомился с заместителем наркома иностранных дел Иваном Михайловичем Майским (1884-1975), которому понравилось творчество Н.Б. и который протезировал его кандидатуру для создания портрета академика Николая Дмитриевича Зелинского. Отец стал другом семьи Зелинских, часто приходил к Н.Д., делал зарисовки и скульптурные эскизы до последних дней жизни Н.Д. (1861-1953). Он также подружился с президентом Академии Художеств (1947-1957) Александром Герасимовым и директором музея Пушкина (1944-1949) Сергеем Дмитриевичем Меркуровым. У него были хорошие товарищеские отношения со скульптором Николаем Васильевичем Томским (1900-1984), который разрешал ему работать у себя в мастерской в 1946-1947 годах. Войдя в армянскую диаспору в Москве, он подружился с композитором Арамом Хачатуряном и с физиками братьями Абрамом и Артемом Алихановыми. Через них он познакомился с академиком Петром Леонидовичем Капицей (1894-1984). Через литературоведа Василия Катаняна он познакомился с подругой/любовницей пролетарского поэта Владимира Маяковского (1893-1930), знаменитой советской «женщиной-вамп», Лилей Юрьевной Брик (1891-

1978), которая в свою очередь свела Н.Б. со своим свояком, французским писателем Луи Арагоном (1897-1982) и отец сделал в 1952 году его единственный прижизненный портрет. Это только несколько примеров.

В-третьих, он построил в 1947 году свою первую скульптурную мастерскую, в 1952 году вторую и в 1958 году переехал в третью, которую ему выделил Московский Союз Советских Художников (МССХ).

В-четвертых, он женился (в 1945 году) и у него появился сын (в 1946 году), пишущий эти строки, а также трое дочерей (в 1950, 1954 и 1959 годах).

В-пятых, по мере роста своей семьи он улучшал жилищные условия. В 1946 году мы поселились в крошечной комнате (8 м²) в деревянном бараке на улице Алексея Толстого, д.8. С 1948 по 1952 годы мы жили в 18 м² комнате дома на Вспольном переулке, д.8. Потом мы переехали в большую комнату (34 м²) в доме по адресу Песчаная улица, д.10, корпус 1, кв.44. Наконец, в 1955 году мы переехали в большую (по тем временам) трехкомнатную квартиру (70 м²) в высотном доме на площади Восстания, д.1, кв.172. Отметим, что двенадцать декоративных скульптур, украшающих это высотное здание, были созданы Н.Б.

В-шестых, в 1956 году вместе с группой советских художников он был командирован в Италию и посетил Венецию, Милан и Рим. Несколько позже, весной 1961 года он вместе с Т.А. в составе делегации работников культуры совершил круиз вокруг Европы на небольшом парходике «Мария Крупская» по маршруту Одесса - Стамбул - Пирей (Афины) - Неаполь (Рим, Флоренция, Венеция) - Гавр (Руан, Париж) - Тильбери (Лондон) - Копенгаген - Ленинград. Это плавание продолжалось 25 дней, оно включало ряд автобусных экскурсий и ночевку в отелях городов. Но для покупки сувениров выдавалась крошечная сумма в 15 долларов на человека. Моя мать, человек очень практичный, купила на свои деньги спицы и шерстяные нитки и во время плавания вязала свитеры. Н.Б. не зная, как одеваются люди на Западе, взял с собой китайский красно-коричневый шелковый пиджак с драконами и носил его день и ночь. Во время экскурсии в Париже на Монмартрском холме один местный рисовальщик

заметил Н.Б., быстро набросал его портрет, подошел к нему и потребовал деньги. Но Н.Б. не растерялся. Он посадил этого рисовальщика на скамейку, взял у него бумагу и карандаш, немедленно сделал его портрет и тоже потребовал деньги. В конце концов они пожали друг другу руки и обменялись портретами.

В-седьмых, в 1955 году Н.Б. обзавелся машиной «Победа» и немедленно перегнал ее в Ереван, где ею пользовалась его любимая сестра Елена (по-армянски Егине или Егуш). В 1959 году он купил машину «Волга ГАЗ-21», которая также уехала в Ереван.

Успехам отца частично способствовала демографическая ситуация в стране после кровопролитной войны. Следует отметить, что все его сокурсники из Ленинградской художественной академии были призваны в армию и, за исключением трех человек, все погибли. Как известно, после окончания войны, Сталин и его правительство максимально старались украсить жизнь советских граждан. Помимо придуманного праздника 800-летия Москвы, город наводнили массой декоративных скульптур (монументальная пропаганда), и, до прихода Хрущева к власти, Н.Б. просто «купался» в заказах. Отец мне рассказывал, что ему заказывали множество портретов Ленина. Он настолько изучил эту модель, что по его выражению, мог лепить Ильича «с закрытыми глазами!» Другое воспоминание, ему как-то заказали портрет Герцена. Он нашел какую-то открытку с портретом и около недели лепил бюст этого революционера. Потом он прочитал надпись на открытке, это оказался не Герцен, а Глинка!

Несмотря на благоприятную для отца обстановку в послевоенной Москве, я подчеркну, что главная причина успеха Н.Б. - это его чудовищная работоспособность.

Н.Б. и его страсть к строительству.

Мало кто знает о многолетнем увлечении Н.Б. строительством. Это было не просто хобби, эта была пламенная страсть. Перечисляю то, что мне известно.

- 1) В 1947 году в возрасте 29 лет он строит свою первую собственную мастерскую в Москве на ул. Алексея Толстого, д.9 (до 1941 г. - Спиридоньевская улица, после 1994 г. - ул. Спиридоновка). До этого он работал в скульптурной мастерской при Доме Работников Культуры Армянской ССР (Москва, Армянский переулок, д.2), а также в мастерской скульптора Николая Томского на улице Алексея Толстого, находящейся на расстоянии примерно 30 метров от д.8, где мы жили в 1946-1948 гг. (направо вглубь от улицы).
- 2) В 1952 году в возрасте 34 лет он совместно с своими свояченицами - сестрами Ерануи и Мариам Асламазян строит свою вторую мастерскую в Москве по адресу Большая Спасская, д.6. Он со своими скульптурами расположился на нижнем первом этаже, в то время как его свояченицы заняли второй этаж, где было светлее. С 1958 по 1972 годы он работает в своей третьей мастерской по адресу Пресненский вал, д.5, которая была выделена ему Московским Союзом Советских Художников (МССХ).

Внутренний вид скульптурной мастерской на Большой Спасской, д.6.

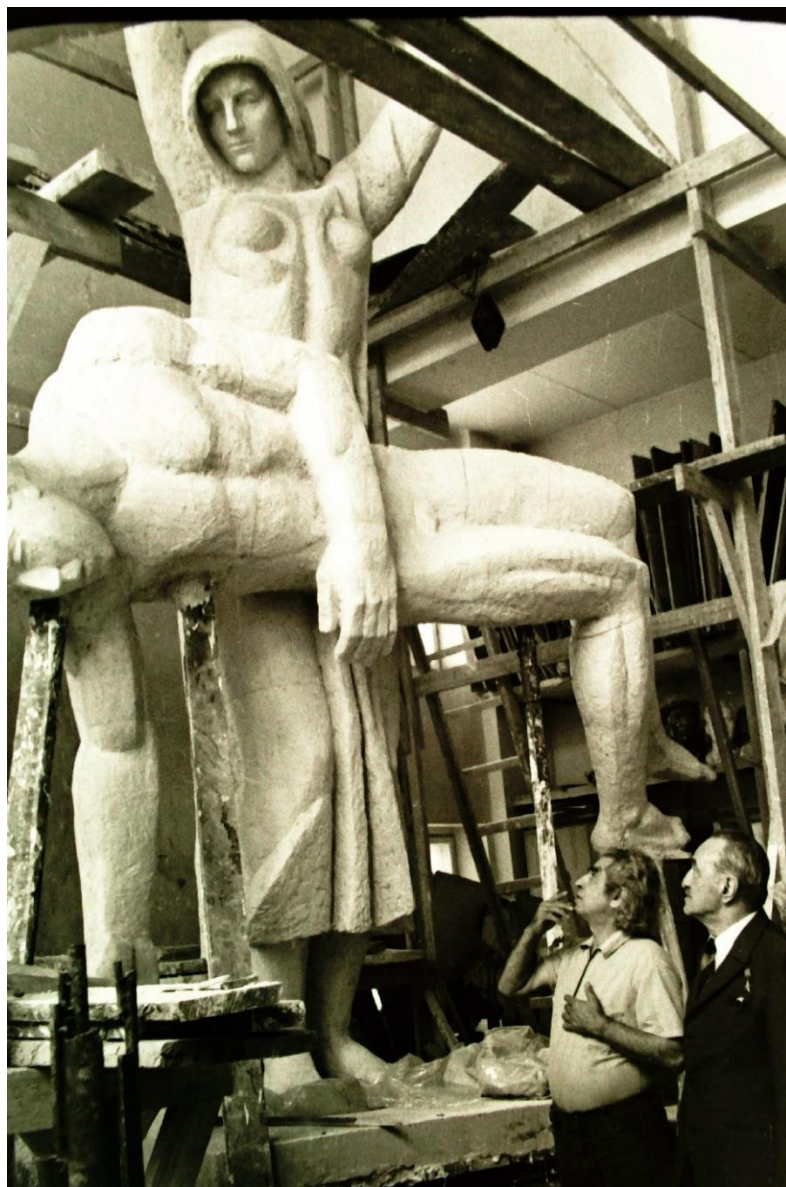
Три больших окна на первом этаже дома с правой стороны на снимке относятся к скульптурной мастерской Н.Б. по адресу Пресненский вал д.5. Фото снято в 2018 г.

- 3) В 1960 в возрасте 42 лет он начинает строительство трехэтажного жилого дома в Ереване по ул. Грачья Кочара, д.6. Он предполагает в течении десяти лет переехать в Ереван на постоянное место жительства. Но этому плану не суждено было сбыться и в доме поселились его родители, а также младший брат с невесткой. Строительство жилой части было завершено через 5 лет, позже была пристроена мастерская. Долгие годы отец нес на своих плечах все расходы по дому, включая ремонт и налоги. Этот дом был продан за год до его смерти. Половина вырученных средств была использована для расселения вдовы его младшего брата Людвиг и его детей и внуков. Вторая половина средств ушла на покупку небольшого нежилого помещения по адресу Ереван, ул. Сарьяна, д.19, куда перевезли скульптуры Н.Б., хранившиеся в ереванском доме.

Ереванский дом Н.Б. Фото 2019 года.

- 4) В 1971 году в возрасте 53 лет Н.Б. начинает строительство своей четвертой мастерской в Москве по адресу Большой Тишинский переулок, д.19. Это здание было построено на собственные деньги Н.Б. Я помню как моя мать ругала его за это, она небезосновательно считала, что лучше бы было истратить эти деньги на покупку дачи под Москвой для их многодетной семьи. Но мой отец никогда не слушался матери в таких вопросах. К тому же он по примеру других зажиточных московских скульпторов (Вучетич, Кербель, Цигаль, и др.) оформил здание своей мастерской как частную собственность. Никто вокруг не понимал, зачем он это делает и тратит на это большие деньги, но Н.Б. упрямо хотел оформить ее «как все».

Внутренний вид скульптурной мастерской Н.Б. на Большом Тишинском переулке. Н.Б. показывает Анастасу Микояну фрагмент памятника погибшим воинам в селе Налбандян, Армения. Фото 1977 г.

- 5) В 1990 году в возрасте 72 лет он начинает строить позади своей четвертой мастерской двухэтажное здание, которое было задумано как дом для него и молодой жены Этери (моя мать умерла от рака в 1987 году). Однако по ходу стройки им овладевает другая идея и вместо жилого дома он воздвигает офисный корпус, который вскоре сдается в найм банку.

Н.Б. и Этери проживут в мастерской (точнее, в трех (!) мастерских) до конца жизни.

- 6) В 1996-1997 годах в возрасте 80 лет он перестраивает четвертую скульптурную мастерскую. Помещение для больших скульптур высотой в 8 метров исчезает, и вместо него появляются жилые помещения на трех уровнях: спальня, гостиная, кухня, ванная, и др., а также несколько комнат для живописных и графических работ.

Внешний вид мастерской Н.Б. на Большом Тишинском переулке, д.19, между 1997 и 2001 годами.

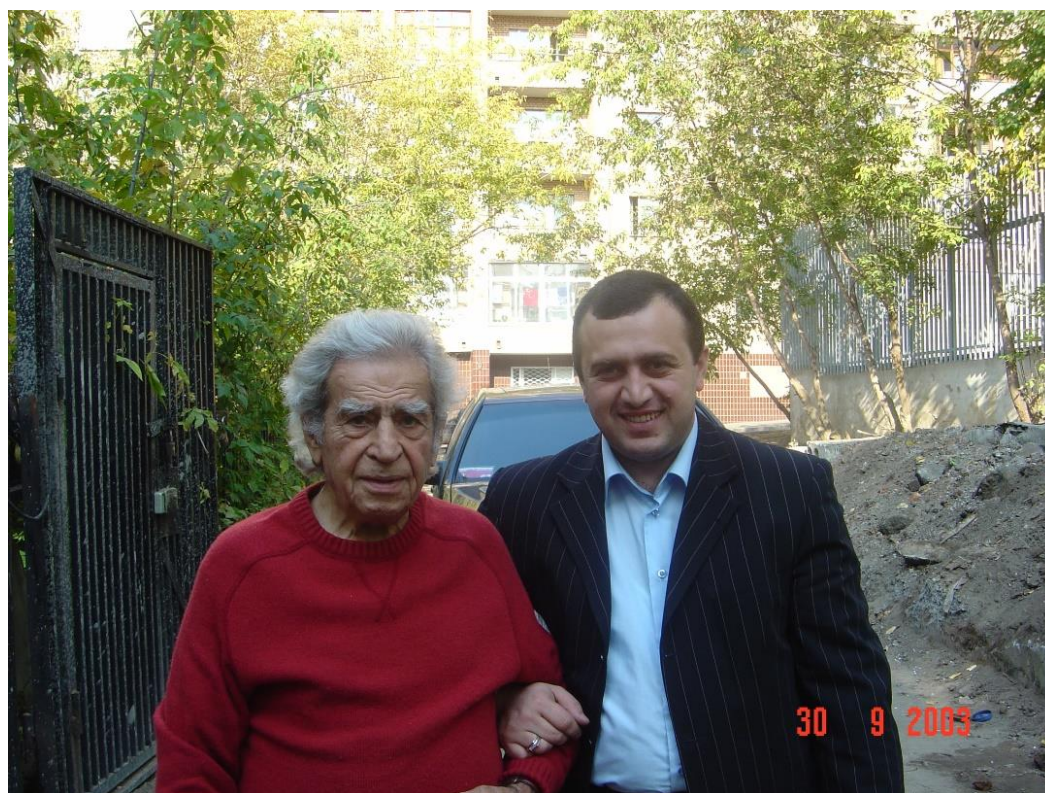
- 7) В 2001 году в возрасте 83 лет Н.Б. начинает свою последнюю стройку: он перестраивает здание пятой мастерской по проекту архитектора Размика Пепяна. Это великолепное здание имеет 5 этажей и на последнем этаже вмещает выставочный зал в 557 квадратных метров [5].

Фасад мастерской Н.Б. на Большом Тишинском переулке, д.19.

Строительство затянулось на 7 лет. Архитектор Пепанян предложил ему обратиться к строительной фирме, которая сделает все «под ключ», но отец решил сэкономить и набрал рабочих-мигрантов, которые одновременно жили в этом здании и по этой причине не спешили его строить. Большинство рабочих было из Армении. Это доставляло Н.Б. большую радость. Каждое утро он спешил наверх к рабочим, чтобы посмотреть, что там нового и поболтать с ними на родном армянском языке. Однако ему не везло с армянами-прорабами. Один из них, Карен, имел 600-ый Мерседес. Когда в 2003 году я приехал в Москву со своей женой француженкой Даниэль, отец сказал: «Карэн - очень хороший человек. Он всюду возит меня на своем Мерседесе. Хочешь, он тебя и Даниэль куда-нибудь отвезет?» А Даниэль посмотрела на Карена и позже

сказала Н.Б.: «Мне кажется, я знаю, откуда у этого типчика появились деньги на 600-ый Мерседес!» И как в воду глядела. Где-то через полгода он взял у отца крупную сумму на покупку стройматериалов, и пропал навсегда вместе с деньгами. Другой прораб построил наклонную шахту для лифта, пришлось ее разобрать и построить заново. Третий не проследил за рабочими и они сделали очень низкий потолок на четвертом этаже, из-за чего в комнаты на этом этаже проникает мало света и невозможно читать или рисовать. Кроме того, под зданием оказались «пльвуны» и пришлось укреплять почву, нагнетая туда бетон. Это все вместе сильно задержало строительство, дом был закончен только к 90-летию Н.Б.

Н.Б. и его прораб Карен.

Н.Б. на фоне 600-го Мерседеса.

Строительство гаража для мастерской.

Деловая хватка Н.Б.

Когда в 1988 году в СССР разрешили частное предпринимательство, многие не сразу поверили в открывающиеся возможности. А Н.Б. развернул свой бизнес за сравнительно короткое время. К тому времени у него уже была оформлена частная собственность на мастерскую (смотри выше) и имелся некоторый капитал в рублях и валюте. В 1993 году он один из первых открывает валютный счет в печально известном банке «Чара», который при сумме вклада более 50 тысяч рублей ежемесячно выплачивал 15 % от суммы вклада в рублях. Когда через год этот банк лопнул, Н.Б. потерял около 35 тысяч долларов. Легко подсчитать, что он получил на руки около 63 тысяч долларов (в рублях). Полученные деньги он однако не копил и ими не швырялся, а немедленно покупал на них строительные материалы, цены на которые в те годы постоянно росли. Ему удалось довольно быстро построить офисное здание, которое он сдал в наём банку за 6 тысяч долларов в месяц. Т.о., он создал свою собственную «Чару», которая потом исправно кормила его долгие годы.

**Первая жена Н.Б. - Тамара Аршаковна,
урожденная Асламазян (30.03.21-01.03.87).**

Моя мать закончила Ереванский Политехнический Институт по специальности инженер-строитель. Перед рождением третьего ребенка (сестры Мариам 02.04.54), Т.А. уходит с работы и становится домохозяйкой. Отметим, что Н.Б. никогда не занимался никакими домашними делами. Кроме обычных для домохозяек занятий того времени - покупки продуктов, готовки, стирки и глажения, Т.А. решала все электрические проблемы, например, замена вилки (в высотном доме на пл. Восстания для розеток был применен американский (!) стандарт). Она же отвечала за исправность телефона (телефонов) и в случае неисправности, относила его (их) в ремонт. Она же меняла лампочки в настольных лампах и люстрах. Она же проявляла пленки и печатала фотоснимки. Где-то в начале 60-ых годов наша мать купила три альбома, поместила туда фотографии своих трех старших детей и вручила их нам. Я часто помогал ей, вследствие чего полюбил фотографию, которая в то время являлось довольно дорогим и трудоемким занятием. Говоря о прогрессе, все упоминают полеты в космос, создание лазеров, появление компьютеров и интернета и т.д., и лишь немногие обращают внимание на совершенно фантастическое развитие фотографии в период 1990-2010 годов. Сегодня каждый дурак может сделать неплохое фото с помощью смартфона и немедленно отослать его по электронной почте. И еще мать помогала отцу как архитектор в оформлении чертежей многочисленных надгробных памятников и мемориальных досок.

А вот пользоваться автомобилем отец матери не давал. И вообще, первые две машины в Москве не задержались, они немедленно отправились в Ереван. Помню в 1957 году, когда мы жили на Николиной Горе, отец приезжал к нам в субботу (иногда вместе с племянником Размиком Мурадяном), привозил продукты и фрукты, шел купаться на Москва-реку, немного отдыхал и к вечеру уезжал обратно в Москву. В то время мать готовила нам еду на керосинке, а за

керосином надо было идти за 2 км в поселок Успенское. Так как канистра с 6-8 литрами керосина была для меня - одиннадцатилетнего подростка довольно тяжелой, то я водружал эту канистру на багажник велосипеда и мы с матерью шли пешком: мама несла сумку и сетки, а я держал руль велосипеда и тащил его вместе с канистрой.

Когда же мать решила сдать на права, то после теоретического экзамена она наняла опытного шофера для практики. Отец немедленно приревновал ее к этому шоферу и заставил отказаться от намерений водить автомобиль. Сам же он водил из рук вон плохо. Один раз он ехал с приятелем, тот ему сказал: «Смотри, какая баба идет!» - «Где?» - «Вон, справа!» Отец повернул голову направо, в это время машина, идущая впереди, затормозила и отец врезался в нее. Второй жене Н.Б. - Этери - повезло больше. Отец постарел и уже не мог самостоятельно водить машину. И я сам давал Этери уроки вождения.

В 1958 году мать забеременела. Отец очень засуетился, он послал мать отдыхать в пансионат Болшево под Москвой, а потом еще отправил в санаторий в посеке Симеиз (в Крыму). Однако, когда опять родилась дочь, он очень обиделся на мать и не разговаривал с ней почти месяц. Наша домработница, Ольга Васильевна Черкасова, работавшая до нас в детском доме, не выдержала и сказала ему: «Николай Багратович! Зря вы так себя ведете. Когда состаритесь, это будет для вас самый лучший ребенок!» И так и получилось. Гаяне стала его любимым ребенком. Смотрите ниже в «Семейном альбоме».

По советским критериям, отец довольно часто выезжал за границу и мать иногда сопровождала его: в круизе вокруг Европы на пароходе (Турция, Греция, Италия, Франция, Великобритания, Дания, 1961), в поездках в Финляндию (1971), Чехословакию (1978), Италию (1981).

Мать очень любила жить за городом, на природе, и всю жизнь мечтала иметь свою собственную дачу. В 1956 году, когда мы в первый раз сняли дачу на Николиной Горе, чтобы получить землю для застройки в этом поселке, было

достаточно просто съездить в Звенигород и *записаться* в райисполкоме на участок. Но отцу было лень ехать в Звенигород и дачу он строить совсем не хотел, так как он всегда был «*урбанистом*», предпочитал жить в центре города и быть среди массы людей, в гуще событий. Мы (мать с детьми) прожили на Николиной Горе с 1956 по 1962 годы, включительно. Это были счастливейшие годы моей юности.

Уехав в 1996 году из РФ работать за границу, я поселился в Ирландии в загородном доме и пристрастился к *gardening*. Прямой перевод этого слова на русский язык, *садоводство*, не является верным. По-русски садоводство означает разведение садово-ягодных культур, как-то: яблоки, сливы, клубника и т.д. Между тем *gardening* в Англии и Ирландии означает исключительно *декоративное* садоводство, т.е. посадку (не для еды, а для души!) цветов, магнолий, пальм, азалий, рододендронов, камелий, декоративных кустарников, и пр. Для примера разнообразия садовой флоры на британских островах, скажу, что в центральной России известна всего лишь одна норвежская разновидность клена, в то время как в Англии и Ирландии разводят около 300 различных разновидностей клена. Вкусив радость жизни на свежем воздухе и работы в саду, начинаешь любить сельскую жизнь, а городская жизнь типа московской становится в тягость. После переезда в г.Бонн (Германия), мы с моей женой купили квартиру на окраине города, буквально на опушке леса, и опять-таки завели сад для души. К нам в гости прилетают сойки, дятлы, снегири, дрозды, чижи, зяблики, а также приходят прочие звери (белки, мыши, ежи). Наверное, тяга к жизни на природе у меня тоже от матери.

**Вторая жена Н.Б. - Этери Михайловна,
урожденная Тогонидзе (05.01.47-11.08.18).**

У меня не так много воспоминаний, связанных с Этери. Отец встретил свою будущую жену, мою будущую мачеху (моложе будущего пасынка на полгода!) где-то в 1983 году. Он дружил с известным писателем-сатириком и драматургом Григорием Израилевичем Гориным (1940-2000), жена которого Любовь Павловна, урожденная Керселидзе (1939-2015, по другим данным 1942-2015) приходилась Э.М. теткой (или двоюродной теткой). История Э.М. - это история провинциальной девушки из Ессентуки, которая интересовалась культурой, театром, кинематографом и, конечно, очень хотела внедриться в московскую элиту. Приехав в Москву, она работала секретарем и переводчиком с английского языка. Отец сразу произвел на нее большое впечатление, но, похоже, что их отношения развивались довольно медленно. Возможно, что ее тетка, имея в виду солидную возрастную разницу между отцом и Э.М. (28 лет), не советовала ей иметь серьезные отношения с Н.Б. И надо же было так случиться, что Этери прожила с отцом дольше, чем ее тетка с Гориным!

Я узнал про существование Этери только в конце 1986 года, когда наша мать была уже лежачей больной и умирала от рака. Я жил в это время у отца в мастерской и со сломанной ногой писал свою докторскую диссертацию. Иногда отец привозил меня к матери. Однажды мы приехали домой из мастерской и отец сообщил матери, что у него теперь есть девушка Этери, которая очень заботится о нем и только что постирала ему носки. Я пришел в ужас от услышанного. От болезни наша мать совсем высохла и была настолько слаба, что с трудом доходила до туалета. Я сказал отцу, почему ты не можешь молчать и не расстраивать мать в последние дни ее жизни. Он ответил: «Я честный человек!» Я отпарировал: «По-моему, твоя честность безжалостна!»

Как-то я прихожу в мастерскую отца и вижу, что у входа насыпана груда кирпичей и Этери разбирает эту груду и относит кирпич за кирпичем в угол

двора. Я бросился к отцу и говорю: «Ты женился на молодой девушке, неужели другого занятия для нее не нашел!?»

Когда отец в 1988 году женился на Этери, я как раз был разведенным. У Этери была младшая сестра Елена. Как-то отец пошутил: «Давид, женись-ка ты на Елене и мы станем родственниками!»

В 1990 году мне, доктору наук, в Академии Наук АНССР предложили две двухнедельных путевки в Кисловодск, в санаторий имени Горького. Я сказал об этом отцу. Он немедленно согласился и предложил взять Этери. «Она поедет с нами. Пускай побудет в Ессентуках у родителей!» Мы отлично отдохнули с отцом. Каждый день ходили по тропинкам в горы, дышали чудным горным воздухом, смотрели на окружающие горы и кормили с рук белок. Отец говорил мне: «Надо чаще ехать вместе отдыхать!» А я ему: «А ты помнишь, когда мы в последний раз вместе отдыхали?» - «Нет». - «В последний раз мы вместе отдыхали 40 лет назад, в Дзинтари, на Рижском взморье!»

Как-то мы присоединились к экскурсии. Со смотровой площадки вблизи «Храма Воздуха» был отлично виден весь Кисловодск. Экскурсовод вещал: «Вот там на северо-западе от нас виден довольно старомодный санаторий имени XX партсъезда (ныне Радуга), ниже нас в западном направлении находится санаторий имени XXII съезда КПСС (ныне Луч), на юг от нас в зеленой зоне виден современный санаторий имени XXVII партсъезда (ныне Заря), а вон вдали на холме строится фешенебельный санаторий, наверное, его назовут в честь XXIX съезда». Тут я не выдержал и съязвил: «А что если не назовут?» - «Думаете, не построим?» - «Нет, думаю, что съезд под таким номером может и не состояться!» И как в воду глядел. Вскоре состоялся последний в истории съезд КПСС за номером XXVIII. А после чего КПСС распустили, а санатории переименовали.

Главное достоинство Этери - это то, что она сумела так организовать жизнь отца, что он прожил счастливо 30 лет после смерти матери. У Этери не было своих детей. Наверное поэтому она нянчилась с Н.Б., как с ребенком. Она заставляла его делать гимнастику, готовила для него специальную легкую пищу. Этери ездила за продуктами на машине на рынок у Киевского вокзала и отвозила отца на разные выставки и вернисажи. И выдерживала бесконечный поток посетителей, в день приходило до 20 человек гостей. И каждому нужно было предложить как минимум чашку чая. И этот поток струился допоздна, иногда до часу ночи, без праздников или выходных дней.

Как-то я заметил, что Этери ездит на новом Мерседесе 200-ой серии. Поинтересовался ценой, она сказала около 120 тысяч долларов. Я сказал что это непрактично, за эти деньги можно купить 3 новых Фольксваген Пассат или 2 Ауди. Она мне в ответ: «А ты разве не хочешь, чтобы твой отец ездил на Мерседесе?» Известный писатель Виктор Шкловский как-то сказал, что «очень трудно объяснить вкус дыни человеку, который всю жизнь жевал сапожные шнурки!» И я не стал объяснить Этери, что на Западе богатые люди потому и богатые, что экономят везде и всюду.

Отец с Этери много путешествовали. Они дважды были в Париже (1991, 1997); ездили в Великобританию (1989), Италию (1990), Турцию (1991), Сирию (1996), Германию (1997), Испанию (1997), и трижды гостили у меня в Ирландии (1998, 1999, 2000).

Однажды я приехал в Москву из Ирландии и зашел в мастерскую отца. Я заметил, что все на на кухне - и Этери, и отец, и мои сестры моют посуду под струей воды. Я сказал отцу: «Это бессмысленная потеря времени! Надо на кухне установить посудомоечную машину». Отец ответил: «Денег нет!» - «Пусть это будет мой подарок». - «У меня нет места для этой машины». - «Странно. Ты только что построил мастерскую площадью в 2000 м², и у тебя нету 0.5 м² для

этой посудомоечной машины??» Отец оглянулся, никого вокруг не было, и он, скрежеща зубами, заметил: «Я не хочу, чтобы ты развращал мою Этери!»

Как-то в начале 90-ых годов мне пришла в голову одна мысль. Я подумал, что цену Этери мы узнаем после смерти Багратовича. Однако, умирая, Н.Б. забрал ее с собой - она ушла из жизни на следующий день.

Пепел ее покоится на Ваганьковском кладбище. На плите ее родственники сделали нелепую надпись «*Этери Михайловна Тогонидзе (Никогосян), 1947-2018*». Они вроде бы позабыли, что их сестра последние 30 лет жила под фамилией Никогосян.

Скелет в буфете.

Английское выражение «a skeleton in the cupboard» в буквальном переводе означает «скелет в буфете», однако правильным переводом является *семейная тайна*. Наша домашняя тайна относится к старшей дочери Назели (Нана). Удивительно (а может быть и нет!), что у трудолюбивого отца и замечательной матери родилась дочь, которая за всю свою жизнь сама ничего толком не сделала и приносила в нашу семью только проблемы и неприятности. Однако расскажу все по порядку.

Старшая из трех моих сестер, Назели Николаевна (далее Н.Н.) пошла в школу с 6 лет и окончила 10 класс в 1967 году. Почему-то отец решил, что у нее есть художественные способности и что она сможет поступить в Московский Государственный Художественный Институт имени В.И. Сурикова, но она не прошла по конкурсу. Потом он отправил ее в Ленинград на курсы при Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, но через три месяца ее оттуда отчислили (точная причина мне неизвестна). В 1968 году моему отцу наконец удалось устроить Н.Н. в Ереванский Художественно-театральный Институт. Через два с лишним года произошло ЧП - Н.Н. забеременела. Моя мать помчалась в Ереван и заставила ее расписаться (во избежание позора!!) с ее возлюбленным, молодым армянским художником Саро Галенцем, отец которого, ливанский репатриант Арутюн Галенц (1910-1967), был признанным армянским художником.

Вначале Н.Н. и ее муж жили вместе в Ереване. Еще в конце 60-ых годов отец отправил почти всю мебель из столовой и гостиной нашей квартиры №172 на площади Восстания в Ереван в недавно построенный им дом на улице Грачья Кочара, №.6. Так что и с квартирой, и с мебелью у них проблем не было. Де факто мои родители взвалили на себя все проблемы этой молодой семьи. Но вскоре они переехали в Москву, где у них родился сын. Через некоторое время отец дарит зятю машину, которую тот использует и в Москве, и в Ереване. Потом он также отдает молодой семье свой гараж, рядом с Высотным зданием на

площади Восстания. Свою же машину он держит в гараже мастерской на Большом Тишинском переулке.

Далее события развивались стремительно.

1981, Отец покупает двухкомнатную кооперативную квартиру для Наны на улице Сокольнический вал. Н.Н. устраивает скандал и заявляет, что никогда не покинет центр Москвы. С колоссальным трудом двухкомнатная квартира переоформляется на среднюю незамужнюю дочь отца - Мариам.

1982, Отец оплачивает паевой взнос в ЖСК Колорит (квартира + мастерская) по адресу: ул.Малая Дмитровка д.24/2, однако дом будет построен только через 10 лет.

1983, После серии скандалов, устроенных Н.Н., больная мать говорит отцу, что так больше продолжаться не может и умоляет отца разъехаться со старшей дочерью. Наш отец разменивает нашу трехкомнатную квартиру 172 в высотном доме на площади Восстания на две двухкомнатных квартиры в том же доме: квартира 30 для Наны и квартира 291 для родителей. В новой квартире моя мать проживет только четыре года и умрет от рака матки.

Наша мать переезжает в квартиру 291 и забирает с собой только самые нужные (или любимые) вещи. В то же время моя старшая сестра Н.Н. перетаскивает к себе в квартиру значительную часть семейной коллекции художественных артефактов, в том числе:

- 1) Деревянная голова нимфы работы Сергея Тимофеевича Коненкова (1874-1971), его подарок отцу [6];
- 2) Деревянная скульптура мартышки работы скульптора-анималиста Василия Алексеевича Ватагина (1983-1969);

- 3) Деревянный гуцульский подсвечник, подарок отцу от знаменитого кинорежиссера Сергея Иосифовича Параджанова (1924-1990);
- 4) Полотна русских художников: Артур Владимирович Фонвизин (1883-1973); Роберт Рафаилович Фальк (1886-1958) и др;
- 5) Четыре русские иконы, созданные в 18-19 веке, и т.д., и т.п.

Фото, снятое в нашей квартире 172 в Высотном здании на площади Восстания в 1958 году для журнала «Советский Союз». Отец с матерью играют в нарды, дети наблюдают. Отец одет в шелковый китайский пиджак, в котором он позже поедет вокруг Европы в 1961 году. Над моей головой видна деревянная скульптура, подаренная отцу С.Т. Коненковым [6]. Справа синий кувшинчик с ручкой, подаренный нашими финскими друзьями.

Наш отец много времени проводит в мастерской (где, по-видимому, встречается с Этери) или ведет клубную жизнь: Дом Кино, Дом Архитектора,

Дом Художника, Дом Композитора, Центральный Дом Работников Искусств (ЦДРИ) и т.д.

К моему большому удивлению, отец делает вид, что не замечает исчезновения этих артефактов. Когда спустя 20 лет к нему пришли двое искусствоведов, и спросили Н.Б. про хранящийся в нашей семье шедевр великого Коненкова (они хотели сфотографировать эту голову для будущей монографии), отец перенаправил их к старшей дочери. Но Н.Н. не пустила их в свою квартиру и даже не открыла им входную дверь.

1984, Нанина семья распадается, муж уезжает в Ереван.

В 90-х годах, в московском Манеже проводилась художественная выставка. Н.Б. выставил свои последние работы, в том числе скульптуру любимого кота из полированного гранита. Когда выставка закрылась, Н.Н. пришла туда со своим паспортом и сказала что отец поручил ей транспортировать кота и увезла его к себе домой. Через пару лет, когда открывалась очередная выставка, отец позвонил Н.Н. и попросил отвезти скульптуру кота на следующую выставку, она ему заявила, что кот ей очень нравится и она оставит его себе.

Отвлечемся немного. Моя двоюродная сестра, Римма из Еревана, как-то получила в наследство (или в подарок) кольцо. Н.Н. одолжила это кольцо на один день поносить, и никогда назад не возвратила. Жене другого двоюродного брата она совершенно серьезно говорила: «У меня есть одна странная привычка: если что-то попадает мне в руки, я не могу потом от этой вещи отказаться».

Наша больная мать промучилась несколько лет и умерла от рака 1 марта 1987 года. Последние полтора года две мои сестры - средняя Мариам и младшая Гаяне - приезжали ежедневно на площадь Восстания и по очереди дежурили у ее постели. Н.Н. никогда не дежурила у постели матери, хотя жила в том же высотном доме. За пару недель до кончины мать сказала, чтобы Мариам и Гаяне

взяли себе что-нибудь из ее ювелирных украшений, но Гаяне сказала: «Мама, ты же еще с нами, не думай об этом!»

Когда мать умерла, я рассказал отцу о ее последнем желании, но отец сказал, что должно пройти сорок дней после ее смерти и тогда можно будет разделить драгоценности. Но Н.Н. ждать не стала. После похорон на второй или третий день она открыла своим ключом квартиру матери и взяла коробку со всеми драгоценностями себе. Опять же отец никак не прореагировал.

После смерти матери ни я, ни двое моих младших сестер не поддерживали с Н.Н. никаких отношений. Она не работала, сдавала одну из своих квартир, и жила светской жизнью: ходила на открытия художественных выставок и на похороны, а летом снимала дачу на Николиной горе. Иногда она приходила в мастерскую к отцу в день его рождения.

К концу жизни отец наконец-то сформулировал свое отношение к старшей дочери: «Она больная!» За полгода до смерти Н.Б. и Э.М., Н.Н. отправилась к лежащей больной Этери обсуждать, какое у нее будет наследство. Этери нашла в себе силы подняться с кровати и выгнала ее из мастерской, после чего попросила отца вызвать нотариуса и составить брачный договор, который вскоре был оформлен.

Н.Б. и женщины.

Наверное, у всех художников бывают случайные или продолжительные связи с женщинами. Мораль моралью, но по-видимому, это просто необходимо для их вдохновения и самоутверждения. Я не могу составить полный «дон-жуанский» список Н.Б., но о некоторых знакомых женщинах он мне говорил сам.

Когда он учился в Ленинграде, он ухаживал за двоюродной сестрой композитора Шостаковича, но потом он уехал в Ереван, началась война, и их дороги разошлись. В 1945 году они встретились в Москве, но она была уже обручена с одним болгаринном и вскоре уехала в Болгарию и поселилась там. В это же время отец ухаживал за артисткой Ириной Скобцевой, но вскоре понял, что такая жена ему ни к чему. Когда я был еще мальчишкой, он мне объяснял, какой правильный шаг он сделал, оставив Скобцеву и женившись на Т.А. «Вот если бы я женился на этой фифишке, то, наверное, у моих детей не было бы матери!» Следующая его пассия, аргентинская пианистка Антарам Агаронян, была армянкой и, по его словам, очень просила его оставить Т.А., уехать в Аргентину и жениться на ней. Я думаю, что и с ней бы он не ужился, так как у них были разные «творческие планы», а для Н.Б. жена должна была жить только интересами мужа. Кроме того, Н.Б. не знал ни одного иностранного языка и долгое пребывание за границей ему всегда было в тягость.

В годы моей юности я, конечно, не знал, с какой женщиной и насколько близко «дружит» мой отец и зачем ему эта «дружба». Сейчас, 65 лет спустя я припоминаю, что в течение полутора лет он встречался с одной детской поэтессой весьма среднего уровня, но политически очень правильной. Еще примерно в это же время у него была относительно короткая связь с известной артисткой кино, проработавшей в московском Малом театре более полувека. О последней женщине он сообщил мне сам, когда мне было уже за сорок. Это все, что я знаю. Наверное, это только верхушка айсберга. Но думаю, поскольку он всегда очень ценил свое рабочее время, постоянных связей у него было мало.

Н.Б. и Антарам Агаронян в ереванском музее, 1955 г.

Одна романтическая история.

В 1967 году Н.Б. лечился и отдыхал в Чехословакии (Карловы Вары). Там он познакомился с одной австралийской парой - Генри (Henri) и Тина (сокращение от Christina) Арам. В действительности эта была еврейская пара из Германии. Генри родился в 1923 году в Берлине и покинул родину в пятнадцатилетнем возрасте сразу после Kristallnacht (Хрустальная ночь или Ночь разбитых витрин), приведшей к началу еврейских погромов в фашистской Германии. Тина произвела на Н.Б. неизгладимое впечатление и он тут же вылепил из глины ее портрет, а потом сделал гипсовую копию, которую он преподнес Тине. Наверное, это было непросто - разыскать местных мастеров скульпторы, выпросить у них материал для работы, вылепить за короткое время портрет и отлить его из гипса. Потом они расстались и, как оказалось, навсегда. В Австралии голова была отлита в бронзе. Но судьба так распорядилась, что я увидел воочию этот портрет и даже прочитал некоторые письма моего отца к Тине.

В 2011 году через мой вебсайт nikogosyan.info, посвященный 90-летию Н.Б., меня отыскала племянница Тины, Карин Трегер (Karin Tröger), которая искала на интернете информацию о Н.Б. Получив мой адрес, она написала мне, что несколько лет назад Тина скончалась от рака, а Генри вторично женился. После чего он передал портрет первой жены ее племяннице Карин. В том же 2011 году мы с женой посетили дом Карин в деревне Aschau im Chiemgau, Бавария, ФРГ и я наконец увидел этот портрет Тины. Я сделал несколько фото.

Карин Трегер и портрет тети. Налицо некоторое сходство между теткой и племянницей. Скульптура стоит на гранитной подставке, на ней плакетка с надписью: Christina Aram, 1967, Карловы Вары, скульптор Н. Никогосян.

Мне также вручили копии несколько писем отца к Тине Арам. Письма отца были написаны на плохом английском и мне было трудно обратно переводить их на русский язык. Ниже приводятся некоторые выдержки из этих трех писем.

Из письма к Тине Арам от 26.12.1970

Мои очень далекие, но одновременно очень близкие друзья Генри и Тина, случилось ли вам когда-либо иметь мечту, запечатленную в вашей памяти? Кто-то с радостью периодически вспоминает о ней, но для кого-то такая мечта становится роковой. Мне судьба послала двух прекрасных людей - Генри и Тину, но также наградила меня бременем, не видя их перед собой, постоянно вспоминать о них.

Я получил от вас письмо и это был для меня лучший рождественский подарок. Я перечитывал его много раз. Там очень много человеческой теплоты, спасибо, я очень тронут.

Из письма к Тине Арам от 03.03.1971

Я часто ставлю перед собой твою фотографию и, когда никого нет, иногда разговариваю с тобой, как будто мы вместе. Ты передо мной, как в Карловых Варах, красивая и божественная.

Немного про меня. Я работаю, работаю день и ночь, даже когда я уже в постели, я продолжаю думать о своей работе. Ты знаешь, что художник должен быть очень спокойным снаружи, но изнутри, если он любит свое искусство, должен все время быть в движении и бурлить, как магма земли перед землетрясением. Но моя проблема в том, что я все время неспокоен, и снаружи, и внутри. Я чувствую внутри себя большую творческую силу, которая время от времени взрывается, как вулкан.

Из письма к Тине Арам от 10.02.1972

Мои письма к тебе зачастую задерживаются, так как некому перевести их на английский язык. Конечно, мои собственные дети знают английский достаточно хорошо, но я не могу позволить им понять, насколько дорога ты для меня.

Моя выставка пока еще откладывается. Наверное, еще не время. Пока я готовлюсь к своей самой главной и важной работе, я делаю много других, зачастую ненужных дел. Кстати, у меня есть хорошие новости, моя новая мастерская почти готова. Через два месяца я переезжаю туда. Может быть это тоже мечта, Но я надеюсь, что мои творческие возможности возрастут во много раз на этом новом месте. В старой мастерской я чувствую себя несколько порабощенным старыми привычками и идеями.

У меня есть два величайших желания: полететь на луну и потрогать ее собственными руками и увидеть снова тебя и Генри. Боюсь, что раньше произойдет встреча с луной.

Н.Б. и моя первая любовь.

В 1967 году я влюбился в польскую девушку с чудесным именем Ирена (порусски, конечно, Ирина). Она родилась в маленьком городке Плоцк (Płock) на реке Висла, неподалеку от Варшавы. У этой провинциальной польской девушки был дядя в СССР, известный авиаконструктор Владимир Михайлович Мясичев, который имел дачу на Николиной горе (41 км от Москвы), где обитало множество академиков, художников, писателей, актеров и прочей советской интеллигенции. На этой даче, помимо дома с гаражом, огорода и теннисного корта, имелась также крокетная площадка. Дело в том, что хозяйка дома, Елена Александровна, обожала играть в крокет. Она приглашала для этого молодых девочек и парней с окрестных дач. Там на крокетной площадке в 1962 году я впервые встретил Ирену. Но сошлись мы вместе пятью годами позже в один из ее следующих приездов.

Секса между нами не было, только поцелуи. Но мы строили серьезные планы на совместную жизнь в будущем. В конце августа Ирена уехала в Польшу. А в начале осени поступила в Варшавский Политехнический Университет (Politechnika Warszawska) и сняла квартиру в Варшаве. Я писал ей письма, а она отвечала мне. Иногда поздно вечером (когда было мало народу) я приходил на центральный телеграф и звонил (вернее, меня соединяли с ней). Кроме того, я занялся польским языком и выучил его за три месяца.

В конце 1967 года я получил от Ирены письмо, в котором говорилось о разрыве наших отношений. Она писала, что ее отец (младший брат В.М. Мясичева) смертельно болен и взял с нее клятву, что она никогда не выйдет за меня, а только за поляка.

Когда Н.Б. узнал, что у меня серьезные отношения с Иреной, то он в присутствии матери заявил, что по его мнению «любовь всегда должна быть свободной!» При этом он никогда не расспрашивал меня о деталях. Когда же я

получил от Ирены письмо о разрыве и рассказал об этом отцу, он сказал мне: «Ты поедешь в Варшаву и встретишься с ней!»

Сейчас трудно представить, как в то время было трудно выехать за границу, даже в социалистическую страну. Но тут отец вспомнил о польской женщине, с которой познакомился на отдыхе в Карловых Варах. Он написал ей письмо и попросил выслать приглашение на мой трехнедельный визит в Польшу. Все бюрократические трудности удалось преодолеть за месяц и в конце января 1968 года я сел на поезд и поехал в Варшаву. Однако, моя встреча с Иреной ни к чему не привела. Она сдержала клятву, данную отцу.

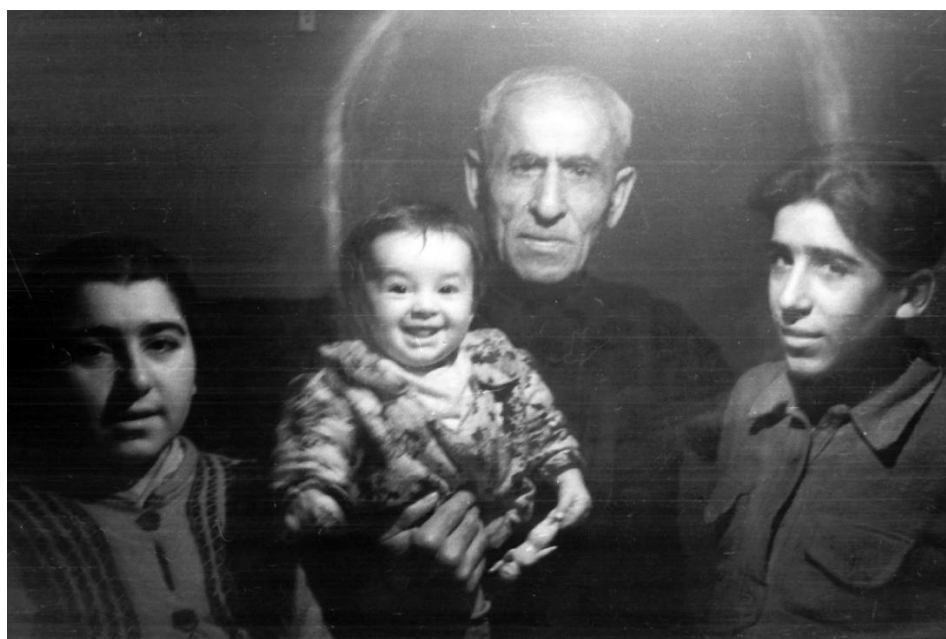
Иногда Н.Б. вспоминал об этой истории и в сердцах говорил мне: «Лучше бы ты встретил француженку и выучил бы французский язык!» А я отшучивался: «Отец, в то время в Москве было легче встретить динозавра, чем молодую француженку!»

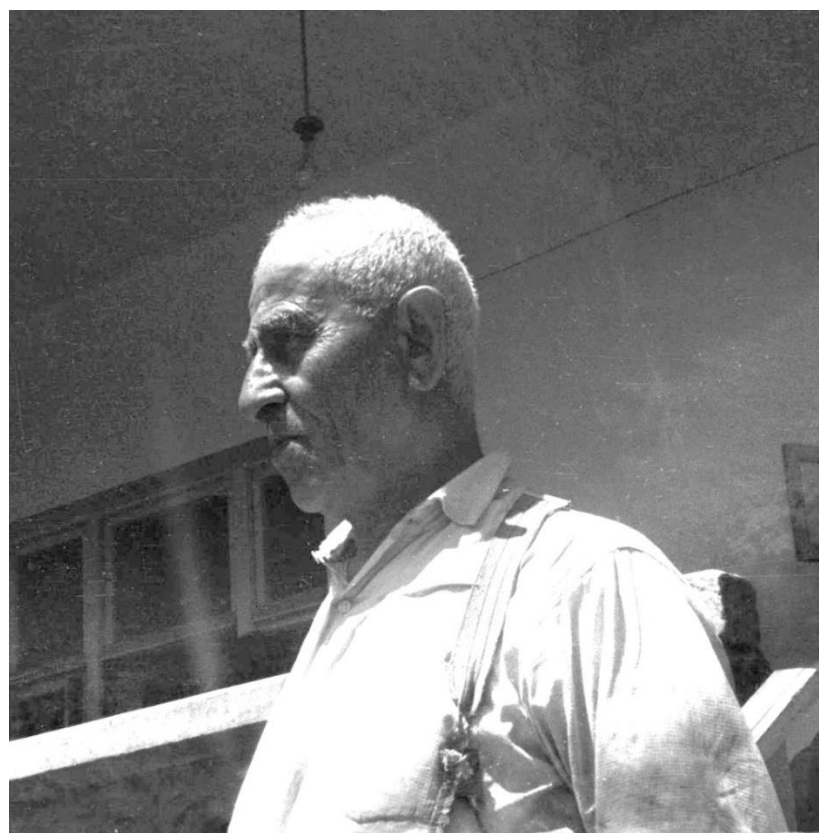
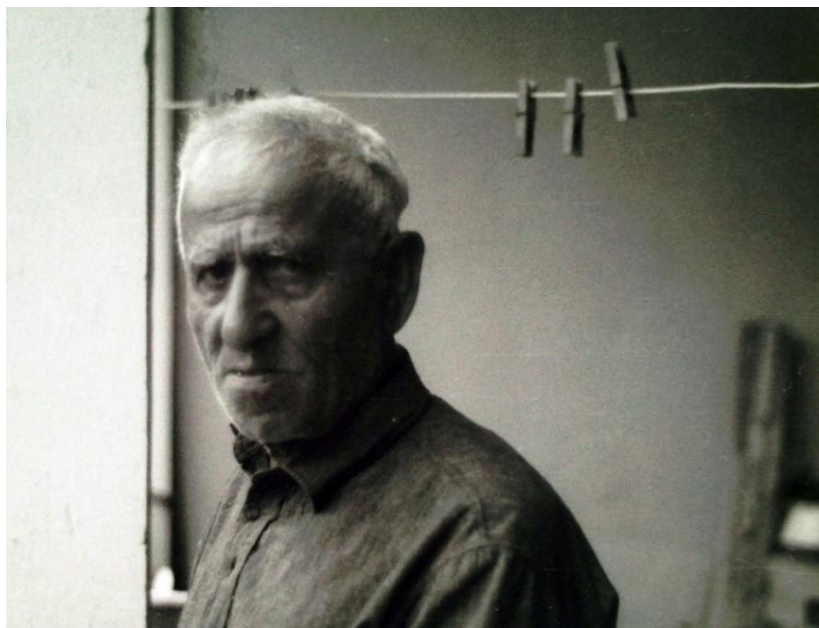
Но жизнь устроена так, что невозможное иногда сбывается. Я все-таки встретил в своей жизни француженку, она стала моей последней (четвертой!) женой и мы вместе уже 23 года. Вот только с французским языком прокол вышел. Моя жена Даниэль раньше меня выучила русский, и необходимость во моем освоении французского языка отпала.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ.

Дед Баграт Никогосян (1881-1968).

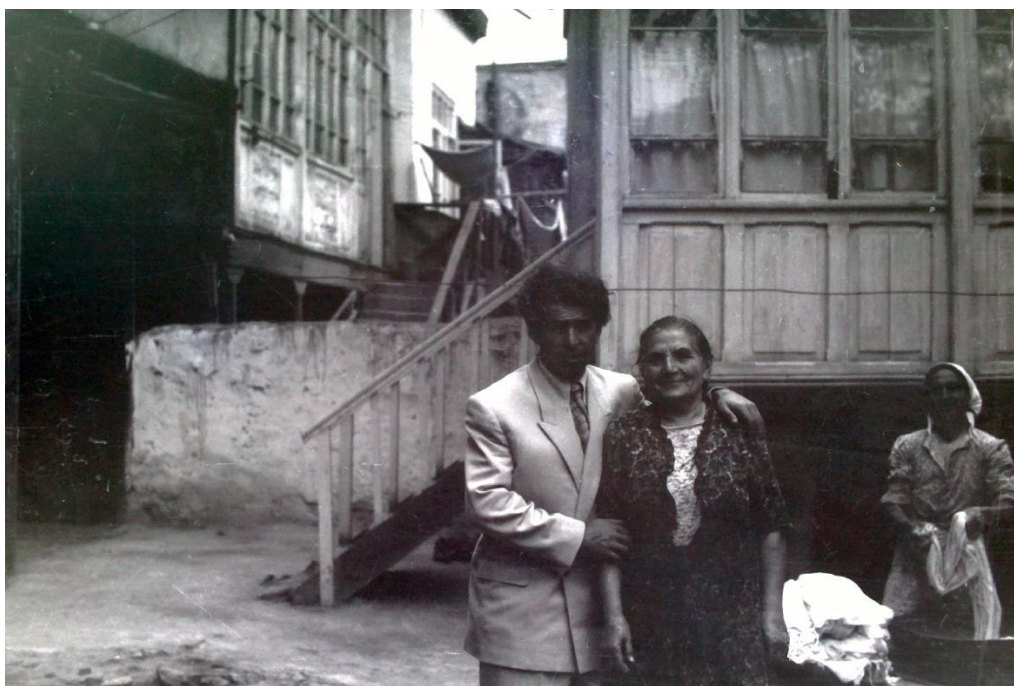
Мой любимый дед Баграт родился в деревне Большой Шаграр (ныне село Налбандян), в Эриванской губернии Российской империи. Он был крестьянином, бизнесменом, строителем. По моей просьбе он написал мемуары, которые были опубликованы в Интернете [7] и имели большой успех.

Первые два снимка сделаны в Ереване в 1951 году. На них дед Баграт с внучкой Назели (моя старшая сестра), двоюродный брат Рубен Мурадян и его сестра Римма Джазоян (урожд. Мурадян). Остальные фото сделаны мною в Ереване в 1966 году.

Бабушка Гаяне Никогосян, урожд. Секоян (1892-1960).

Моя бабушка по отцу родилась в с.Игдыр Эриванской губернии Российской империи, ныне в Турции. Первые три снимка сделаны в Ереване в 1955 году. На этих

фотографиях - мать 6 детей моя бабушка Гаяне, и ее любимый сын Н.Б. За ними дом, в котором в то время жила семья Никогосян (Ереван, проспект Ленина, 33).

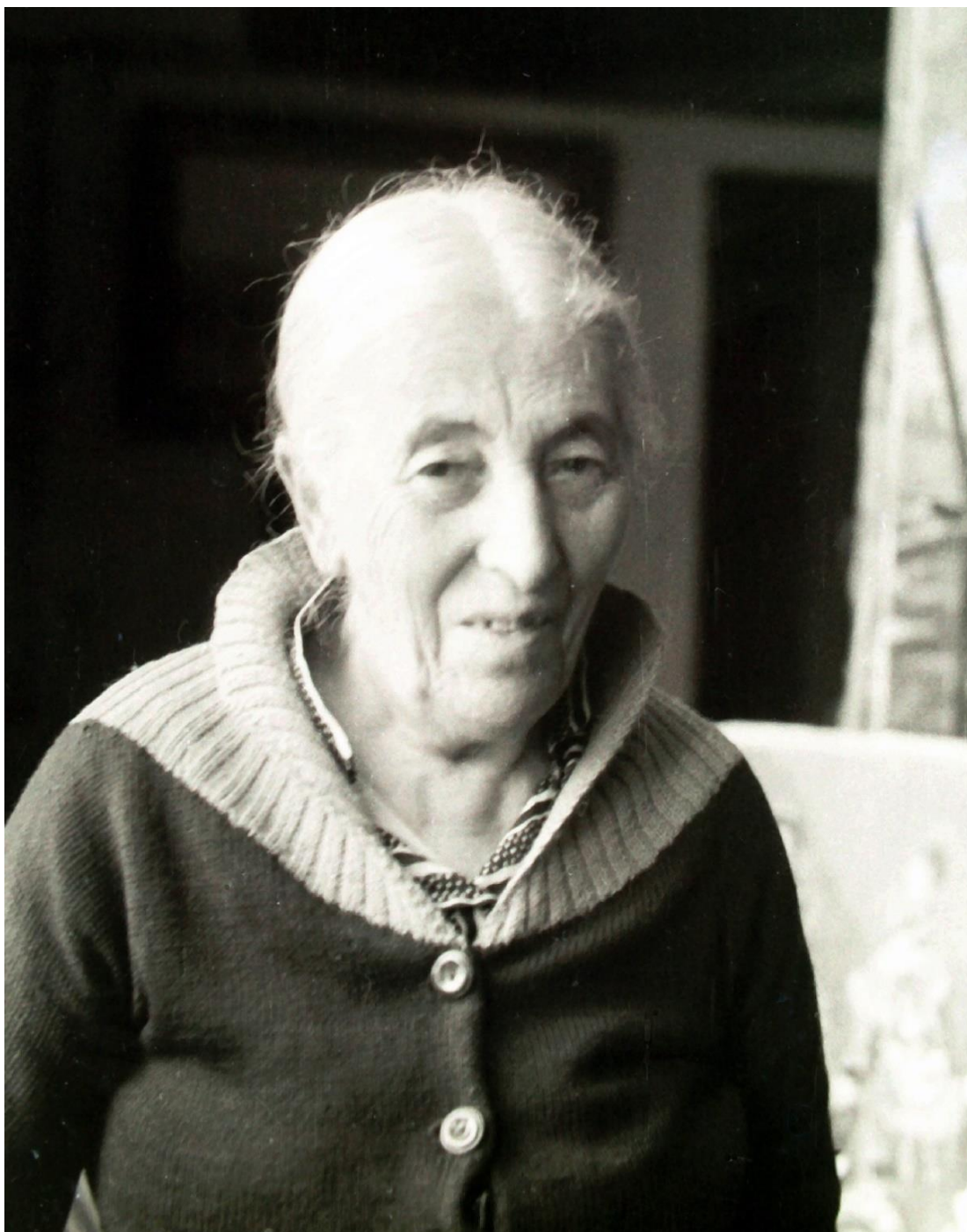
Бабушки Гаяне и моя сестра Мариам, Москва, снято примерно в 1958 году.

Бабушка Вардуи Асламазян, урожд. Тер-Карапетьянц (1882-1973).

Мой бабушка по матери родился в деревне Амамлу, Эриванской губернии (ныне г.Спитак). Ее муж, Аршак Симонович Асламазян, родился в 1877 году в селе Баш-Ширак Карсской области Российской империи (ныне в Турции). Он был талантливым инженером и бизнесменом, строил в Армении и Грузии водяные мельницы и электростанции. К сожалению, он скончался за три года до моего рождения. В их семье было 7 дочерей и один сын. Одна из дочерей, художница Мариам Асламазян, написала прекрасные мемуары о своей семье и своем творчестве [8]. Художницей стала и ее сестра, Ерануи Асламазян.

Как-то я спросил бабушку Вардуи, что важнее всего в жизни. Она ответила коротко: «Здоровье». Я продолжал: «Ну, хорошо бабушка, а как же любовь, семья, деньги, карьера?» «Внучек! Если ты не будешь здоров, то все остальное тебе будет не нужно!», сказала моя мудрая бабушка.

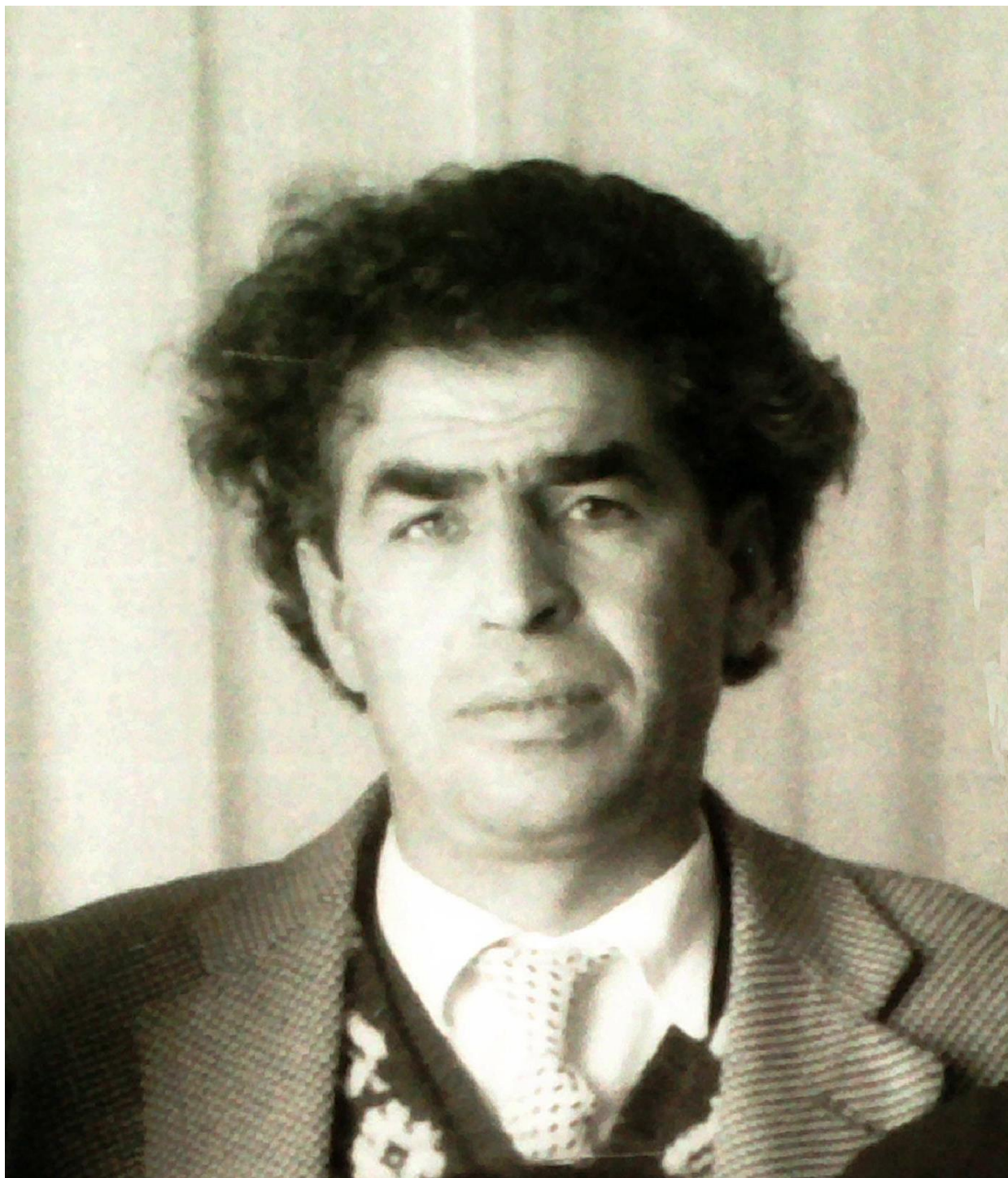
Все приведенные снимки бабушки Вардуи вместе с дочерью Мариам и зятем Н.Б. сделаны в мастерской сестер Мариам и Ерануи Асламазян в Москве на Большой Спасской улице, д.6, в 1957 году.

Наш отец Николай Никогосян (фото до 1990 г.).

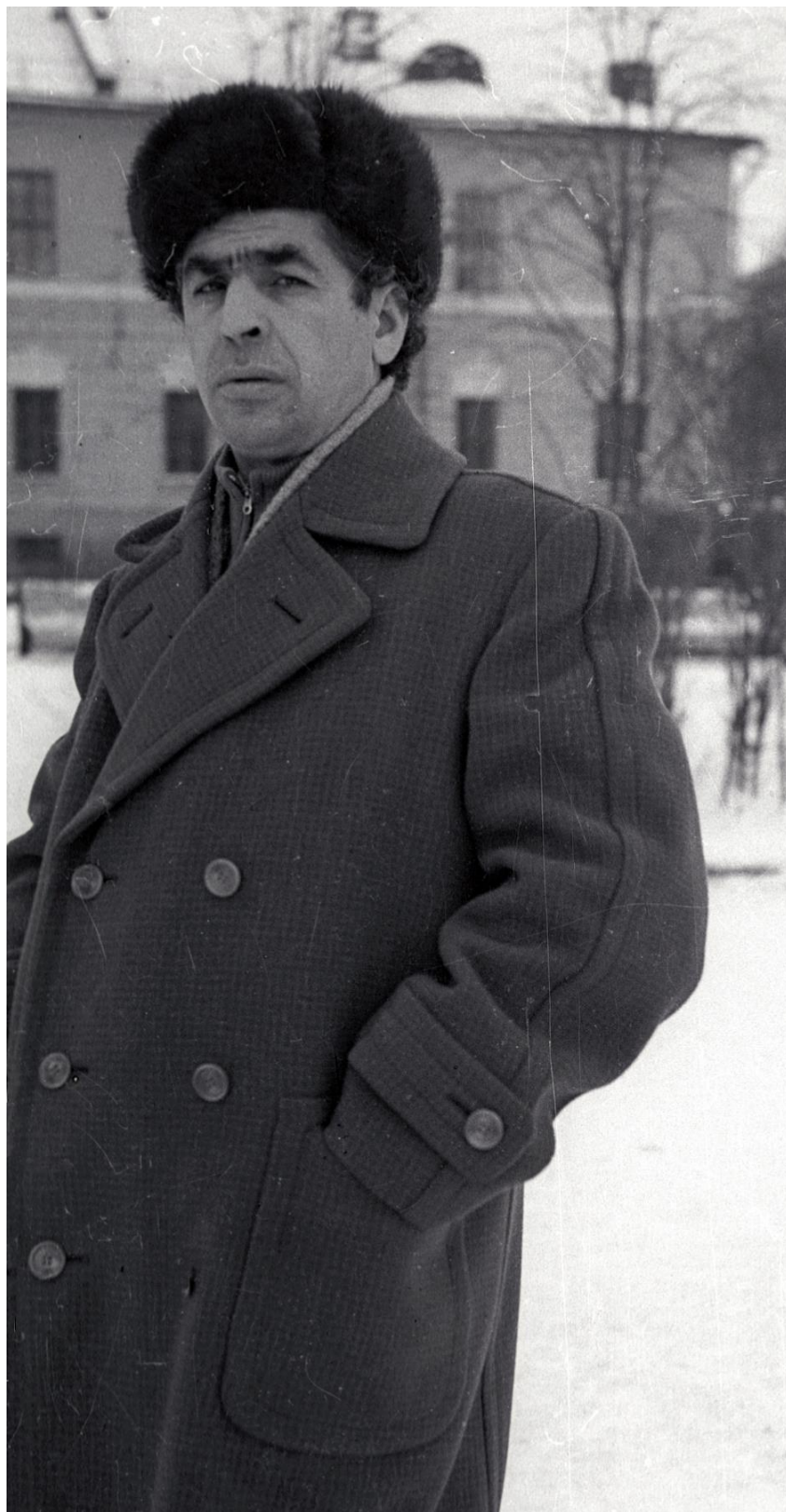
По всем документам Никогосян Николай Багратович родился в селе Большой Шаграр (ныне Налбандян). Однако, согласно мемуарам его отца Баграта Никогосяна [7], с середины 1918 до начала 1919 его семья находилась в Ереване и только потом вернулась в село Большой Шаграр. Время рождения Н.Б. совпадает с временем существования Армянской республики (1918-1920).

Это фото снято в Москве 4 апреля 1945 года. Из архива моей троюродной сестры
Амаспюр Минасян.

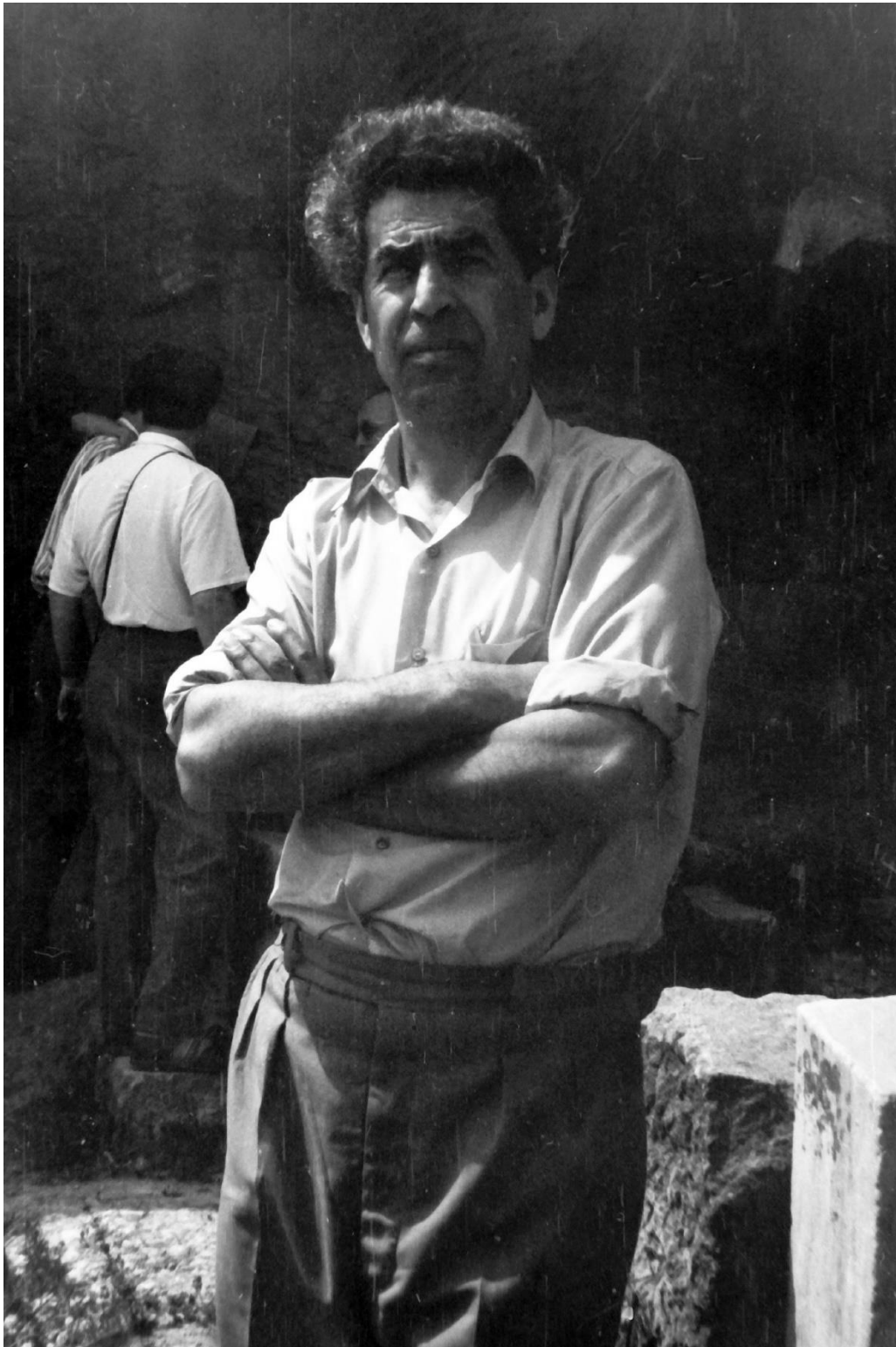
Н.Б., Ереван, 1955 год.

Это фото Н.Б. снято в Москве в 1957 году.

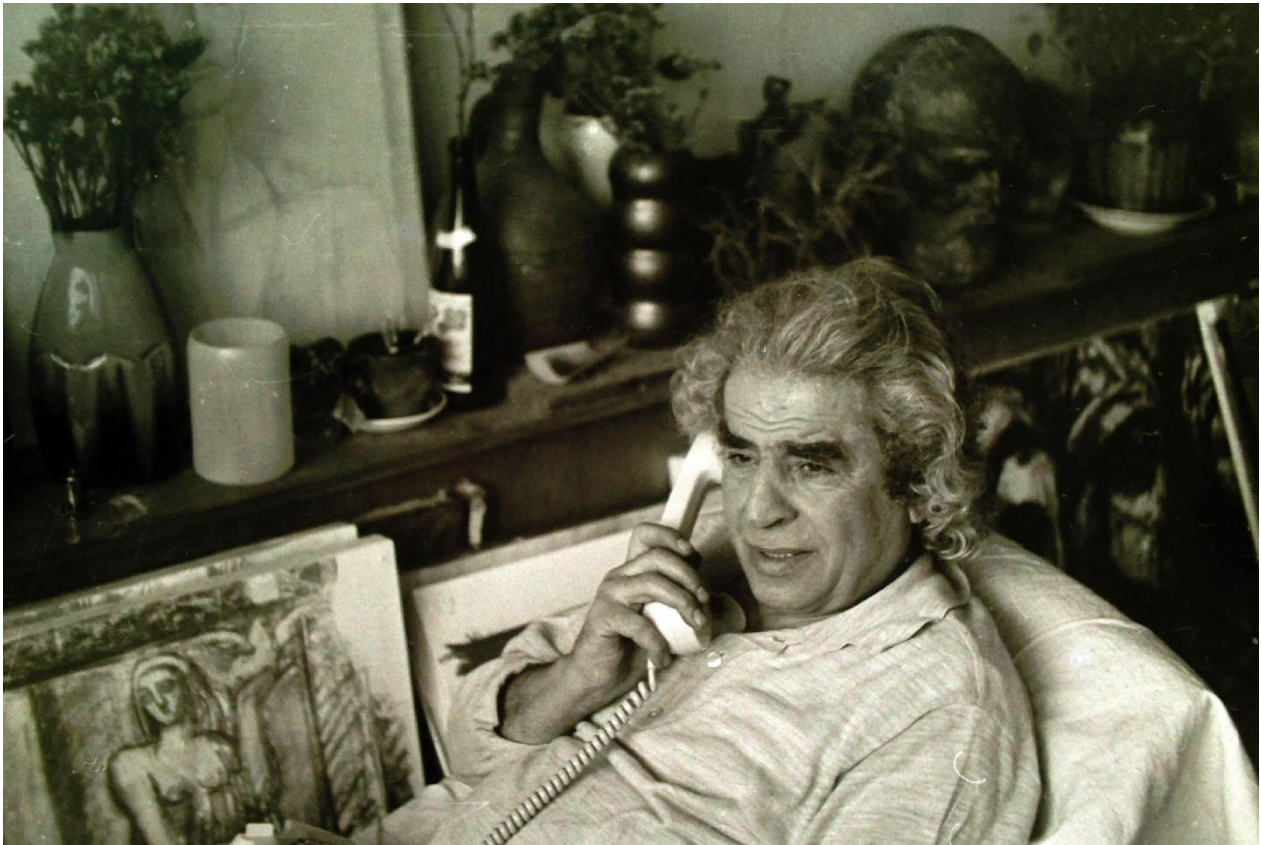

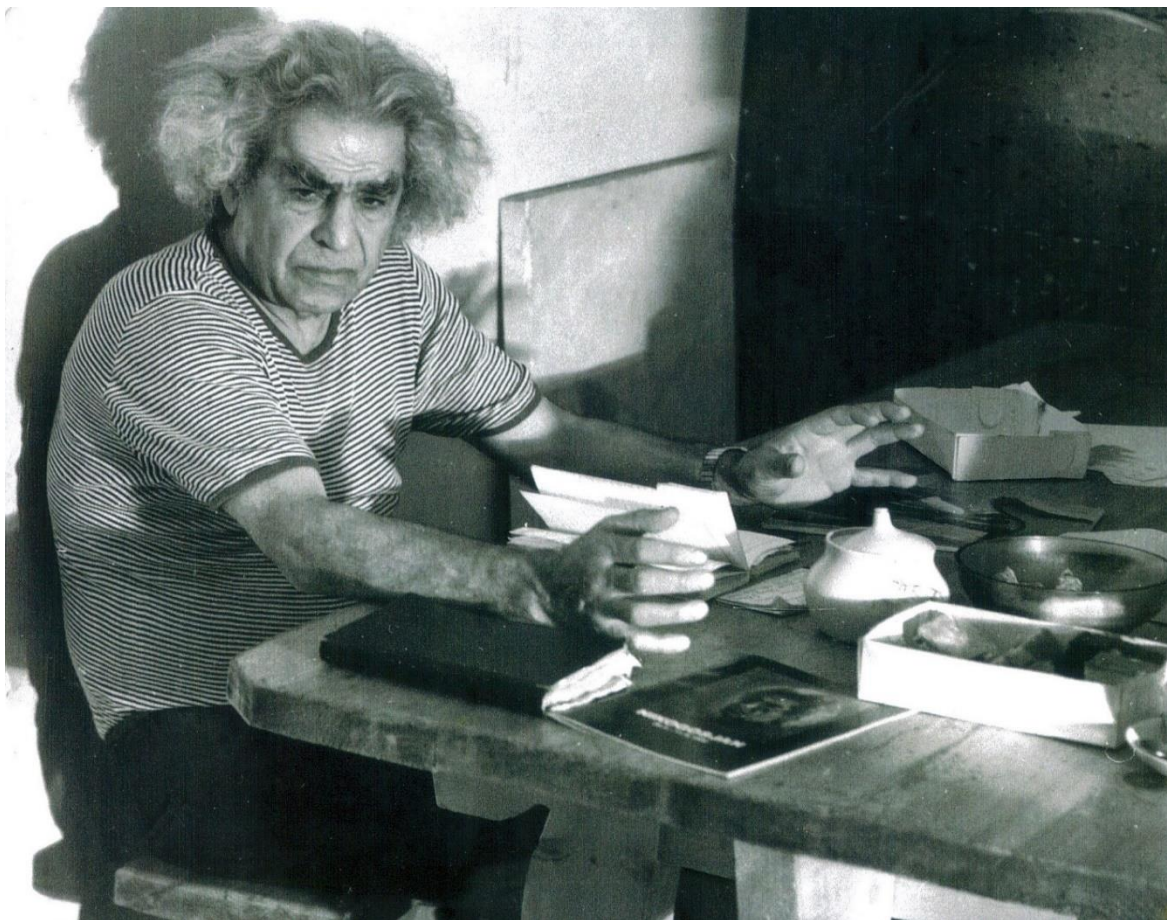
Верхнее фото, Н.Б. вместе с братом жены его младшего брата, епископом Нерсесом (Эчмиадзин, вблизи Еревана, 1959 год); нижнее фото, Н.Б. на фоне картины Ван Гога в Пушкинском музее Москвы (1960).

Фотография Н.Б., снятая в Помпеи (Италия) в 1961 году.

Эти три снимка Н.Б. сделаны в мастерской на Большом Тишинском переулке, д.19, в 1977, 1978 и 1981 годах, соответственно.

Любимая сестра отца Егуш Никогосян (1912 - 1996).

У отца было два брата и три сестры. Все они жили в Ереване. Хотя он и помогал всем, например, он женил младшего брата и поселил его с семьей в своем ереванском доме, увез двух сыновей старшей сестры в Москву и пристроил их в столице и т.д., он особенно выделял сестру Егуш, которая вместе с дедом Баграмом активно участвовала в строительстве дома на улице Грачья Кочара. Он отправил ей из Москвы по очереди две машины, «Победу» и «Волгу». Егуш была одной из первых армянских женщин, сидящих за рулем. Когда она въезжала в армянскую деревню, то ее неизменно сопровождала группа бегущих за ней мальчишек, кричащих «Книге кшум!» (Женщина водит!).

Тетя Егуш на отдыхе в Хосте вблизи Сочи в 1962 году.

Наша мать Тамара Никогосян, урожд. Асламазян (1921-1987).

Наша мать очень любила фотографировать и выучила меня тоже этому ремеслу. Научиться выбрать место для фотосъемки, держать крепко фотоаппарат, наводить объектив на объект фотосъемки и нажимать на спусковую кнопку нетрудно. Гораздо труднее научиться обрабатывать снятую фотопленку. Этот стадия заключается в разведении растворов для проявления и фиксирования отснятых фотопленок, проявления и фиксации пленок в бачках, промывке и сушке фотопленок, и, наконец, в печатании фотографий. Последний этап требует наличия фотоувеличителя, растворов для проявления снимков и для фиксирования, ванночек для этих растворов, а также для воды (промывка готовых снимков), и красного фонаря для наблюдения за процессом проявления. В конце печатания снимки, как чистое белье, подвешивались на веревку при помощи прищепок и сушились.

Наша мама в 1940 году (сверху), в 1944 году (внизу слева) и в сентябре 1945 года (внизу справа).

Верхнее фото: Т.А. гуляет в сквере перед высотным зданием на площади Восстания (ныне Кудринская площадь); нижнее фото: Т.А. вместе с сыном, автором этих мемуаров, на кухне квартиры 172. Обе фотографии сняты в 1957-1958 гг.

Верхнее фото: Т.А. дома на площади Восстания, ныне Кудринская площадь, 1958 г.;
нижнее фото: Т.А. отдыхает в Симеизе (Крым), беременная третьей дочерью, 1959 г.

**Сестры матери художницы Мариам Асламазян (1907 - 2006)
и Ерануи Асламазян (1909 - 1998).**

У нашей матери было шесть сестер. Из них двое стали художницами и часто встречались на выставках с Н.Б. и Т.А. Кроме того, они делили с Н.Б. двухэтажную мастерскую на Большой Спасской улице, д.6. с 1952 по 1958 годы.

Мариам была мозговым центром семьи Асламазян. Наверное поэтому, Т.А. назвала свою среднюю дочь ее именем. Это фото было снято на Николиной горе в 1956 году.

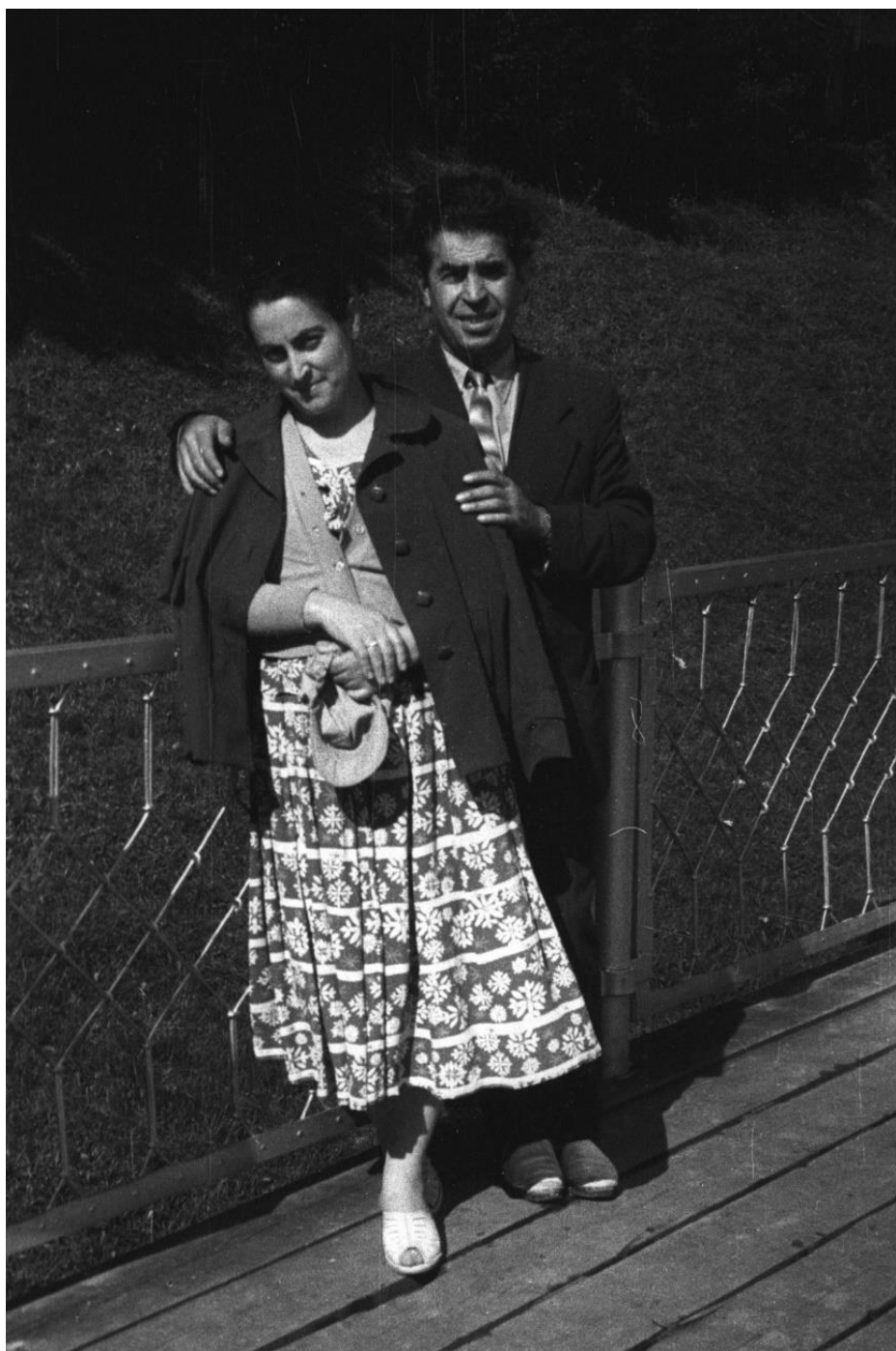
Верхнее фото: Ерануи Асламазян у себя дома в Москве на Малой Грузинской улице, 1982 г; нижнее фото: на московской художественной выставке, слева направо Т.А., Н.Б., Ерануи Асламазян и Мариам Асламазян, 1956 г.

Родители и дети (1950-1985).

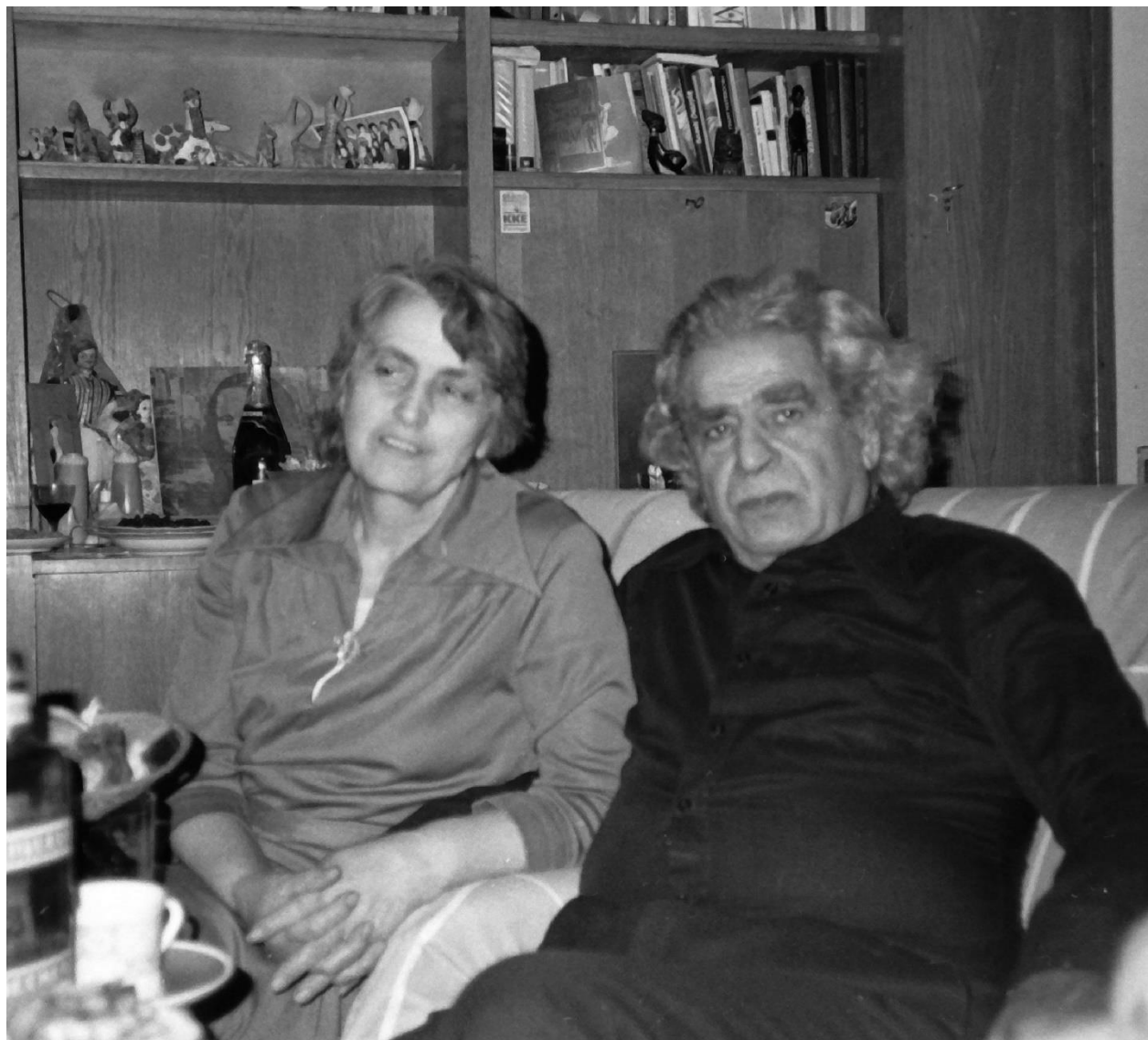

Верхнее фото: Т.А. и Н.Б., Москва, 1952 г.; нижнее фото: Н.Б. и Т.А., Ереван, 1955г.

Т.А. и Н.Б., Ленинград, 1957 г.

Т.А.

Одно из последних фото нашей матери. Т.А. и Н.Б. встречают Новый 1986 год в квартире 291 в высотном здании на площади Восстания.

Семья Никогосян: 1952 г.(верхнее фото); 1963 г. (нижнее фото).

Семья Никогосян, Москва, 1968 г.

Младшая дочь Гаяне и Н.Б., Москва, 1968 г.

Наша мать и ее дети, верхнее фото: Москва, 1955 г., нижнее фото: Москва, 1963 г.

Верхнее фото: Т.А., я и мой двоюродный брат Размик Мурадян; Москва, 1956 г.
Нижнее фото: я с двумя сестрами, Назели и Мариам, Николина гора, 1957 г.

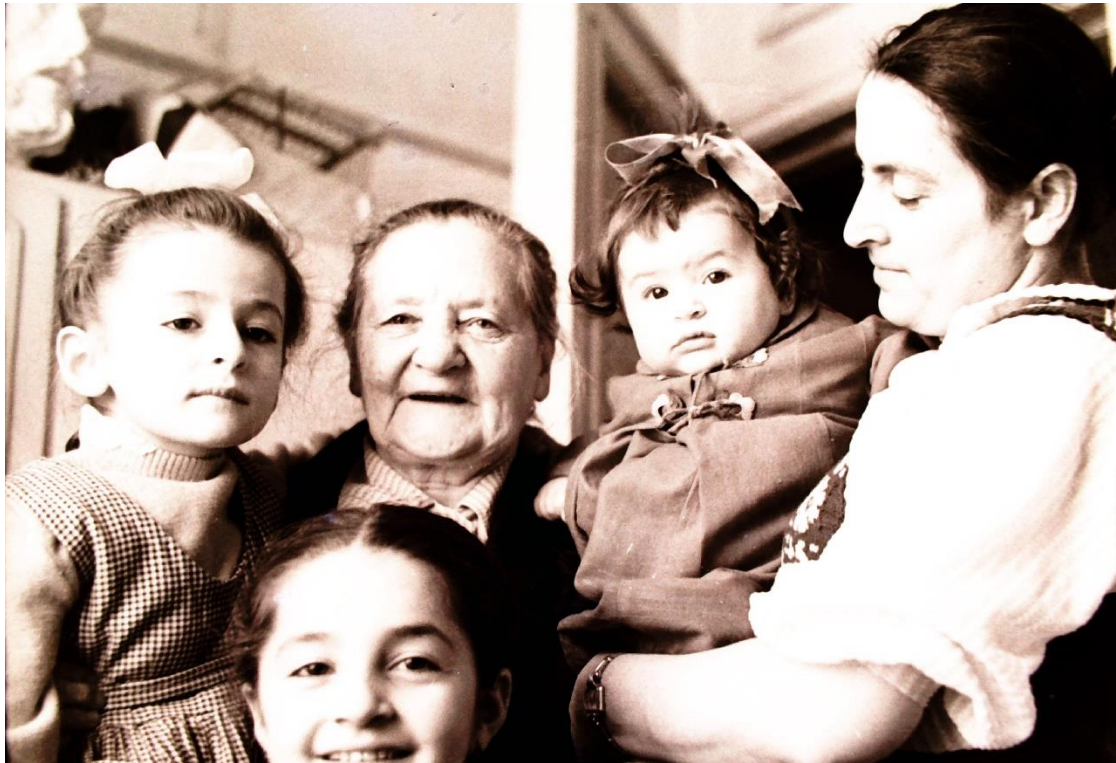

Я на даче, Николина гора, 1957 г. Фото снято Т.А.

Верхнее фото: моя сестра Назели на кухне нашей квартиры; Москва, 1957 г. Нижнее фото: Назели в Ереване решила сфотографироваться с курдской девушкой, 1957 г.

Т.А. и наша няня Ольга Васильевна Черкасова с моими сестрами, Москва, 1960 г.

Моя сестра Гаяне на кухне нашей квартиры, Москва, 1963 г.

Н.Б. с младшей дочерью Гаяне на той же кухне, Москва, 1960 г.

Три моих сестры, Москва, 1960 г.

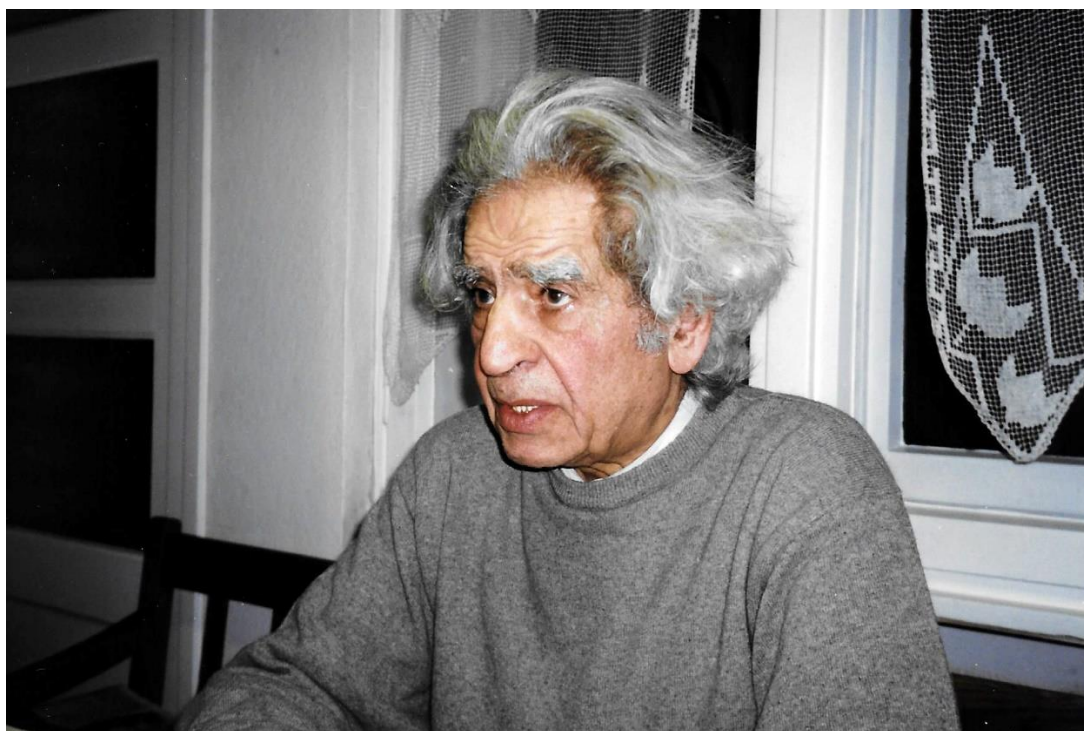

Н.Б. с младшей дочерью Гаяне, Москва, 1981 г.

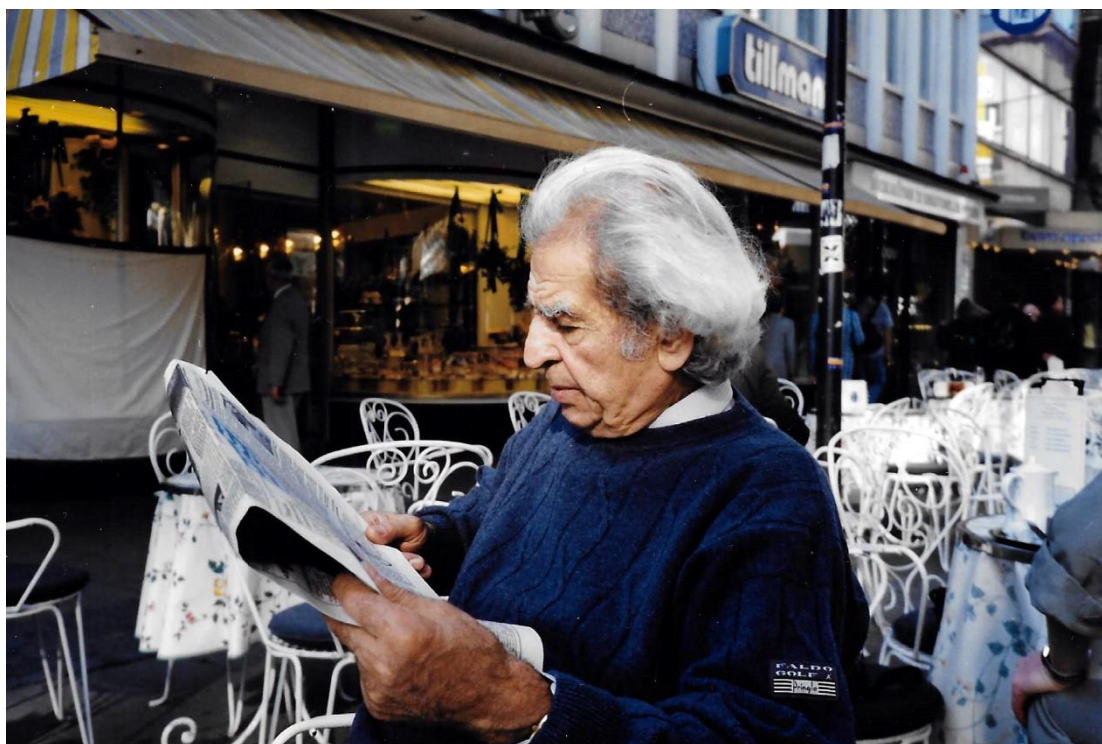
Верхнее фото: Т.А. встречает младшую дочь Гаяне и зятя Акопа Иликчяна; Нижнее фото: Н.Б. и его младшая дочь встречают Новый 1986 год в квартире 291.

Наш отец Николай Никогосян (далее все фото после 1990 г.).

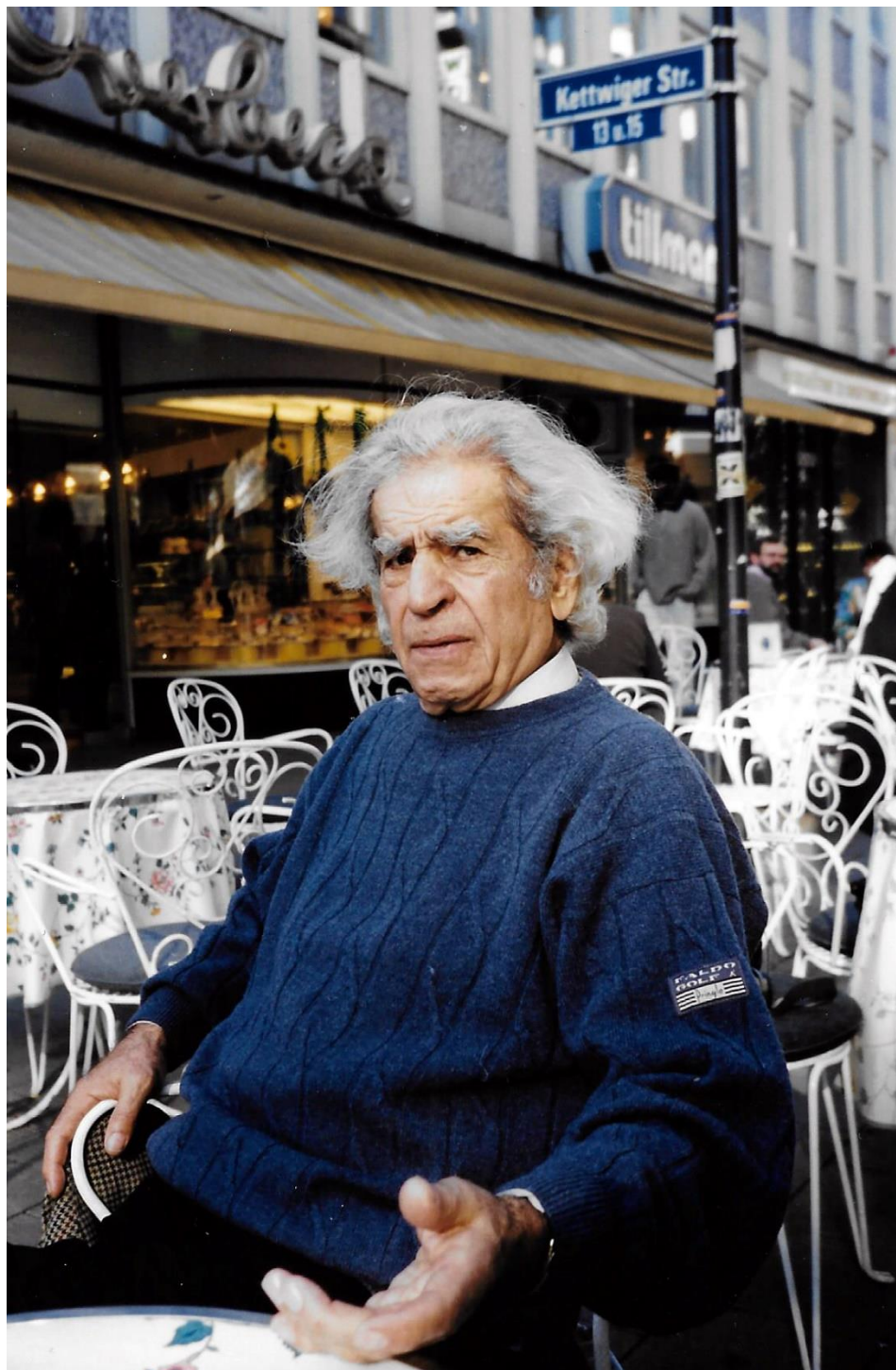

Н.Б. впервые в Германии по медицинским делам, в г.Мюльхайм на Руре, ФРГ, обе фотографии сделаны в 1997 году.

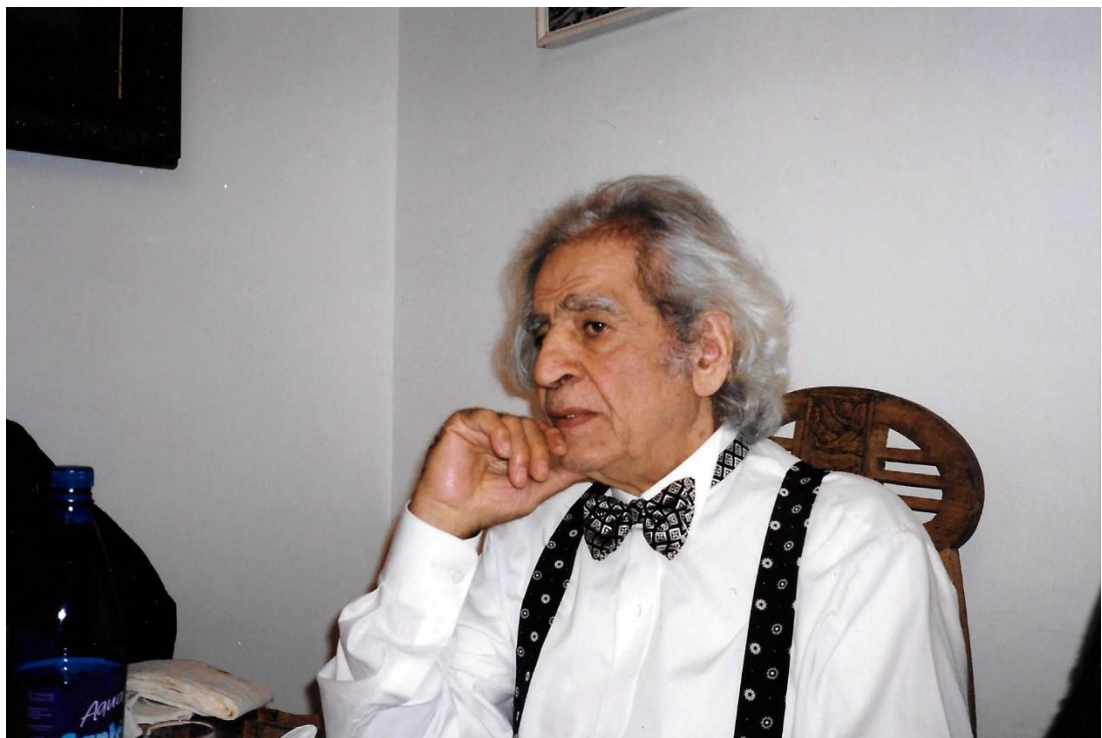

Верхнее фото: дождливая немецкая погода сказывается на настроении Н.Б., г. Кельн, ФРГ, 1997 г. Нижнее фото: солнечная погода в городе Эссен + чтение русской газеты поднимают его настроение, ФРГ, 1997 г.

Обсуждение газетного материала, г.Эссен, ФРГ, 1997 г.

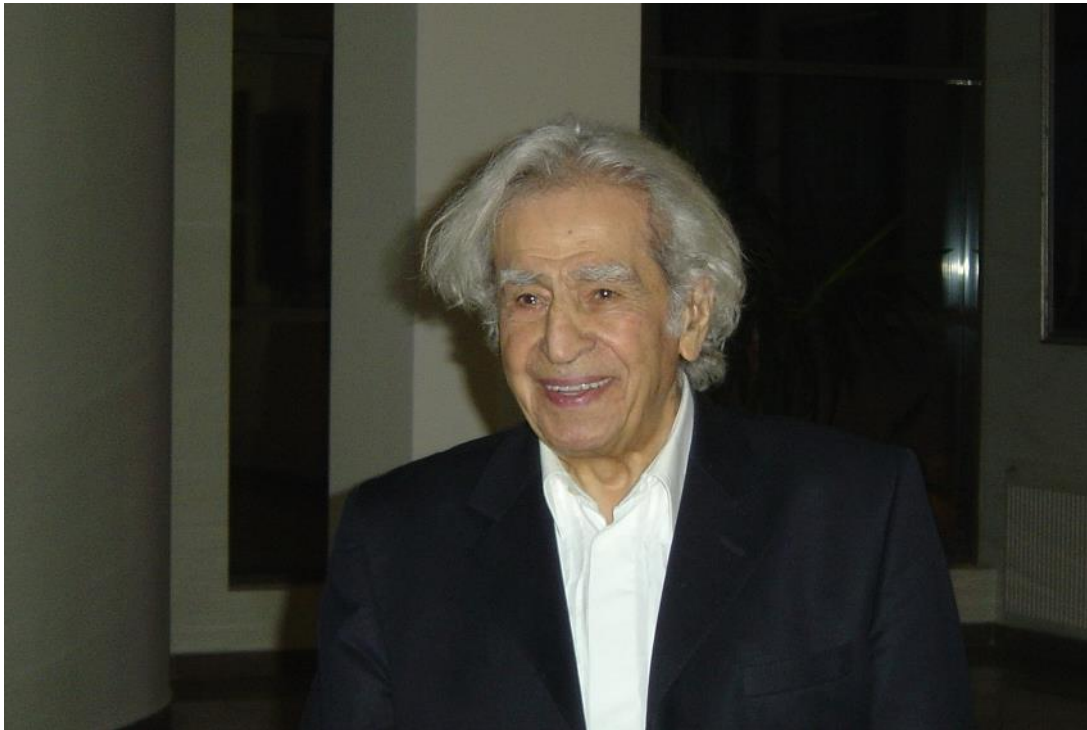
Верхнее фото: Н.Б. радостный едет в г.Дублин, Ирландия, 1997 г. Нижнее фото: Н.Б встречает новый 1999 год у младшей дочери Гаяне, Москва, 1998 г.

Верхнее фото: Н.Б на выставке «Балет» в индийском посольстве в Москве, 2003 г.
Нижнее фото: Н.Б. смотрит телевизор вместе с собакой, 2005 г.

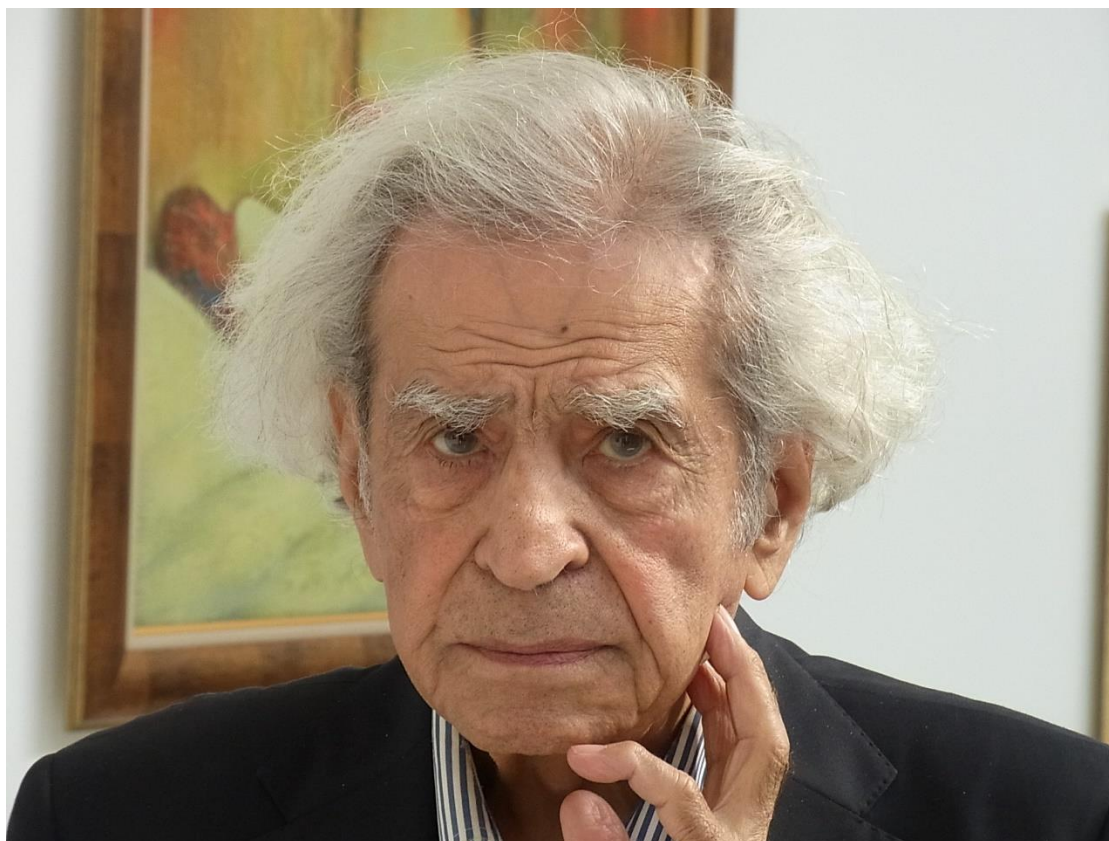
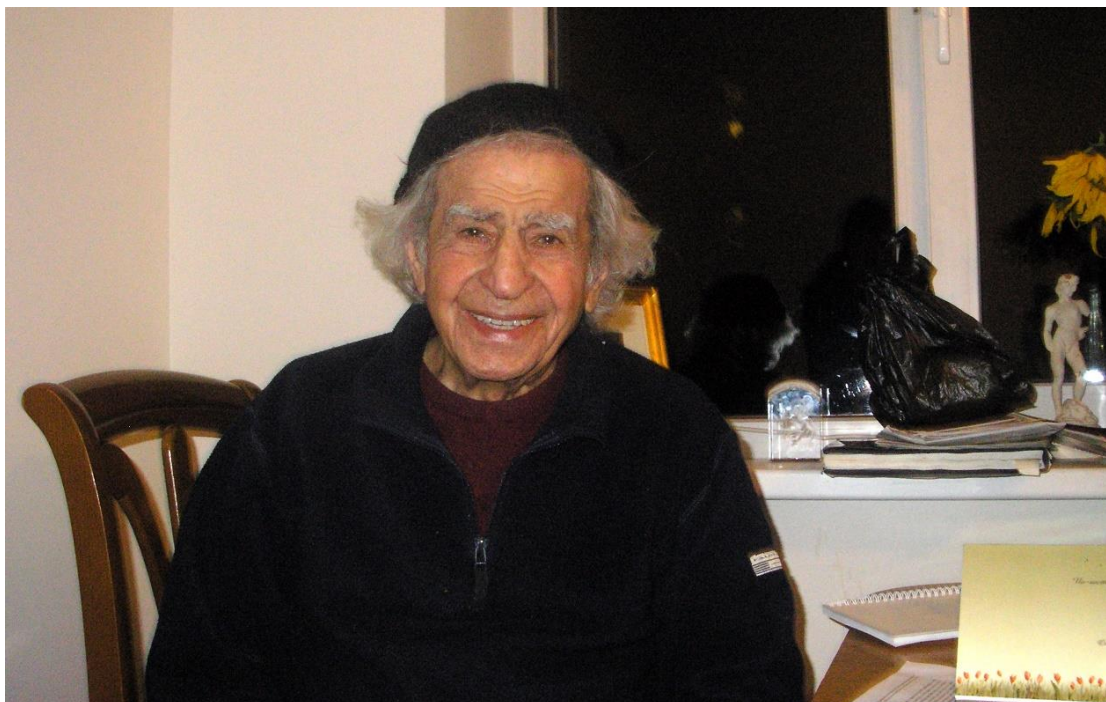
Фото для статьи о Н.Б. в журнале «Галерея АРС», выпуск «Ереван», 2007 год.

Верхнее фото: Н.Б. в день когда ему исполнилось 90 лет, Москва, 2008 г;
нижнее фото: Н.Б. с молодой моделью, Москва, 2009 г.

Н.Б. на балконе мастерской вместе с псом по имени Гоген, Москва, 2009 г.

**Верхнее фото: Н.Б. в своей мастерской, Москва, 2009 г;
нижнее фото: Н.Б. на выставке, Москва, 2011 г.**

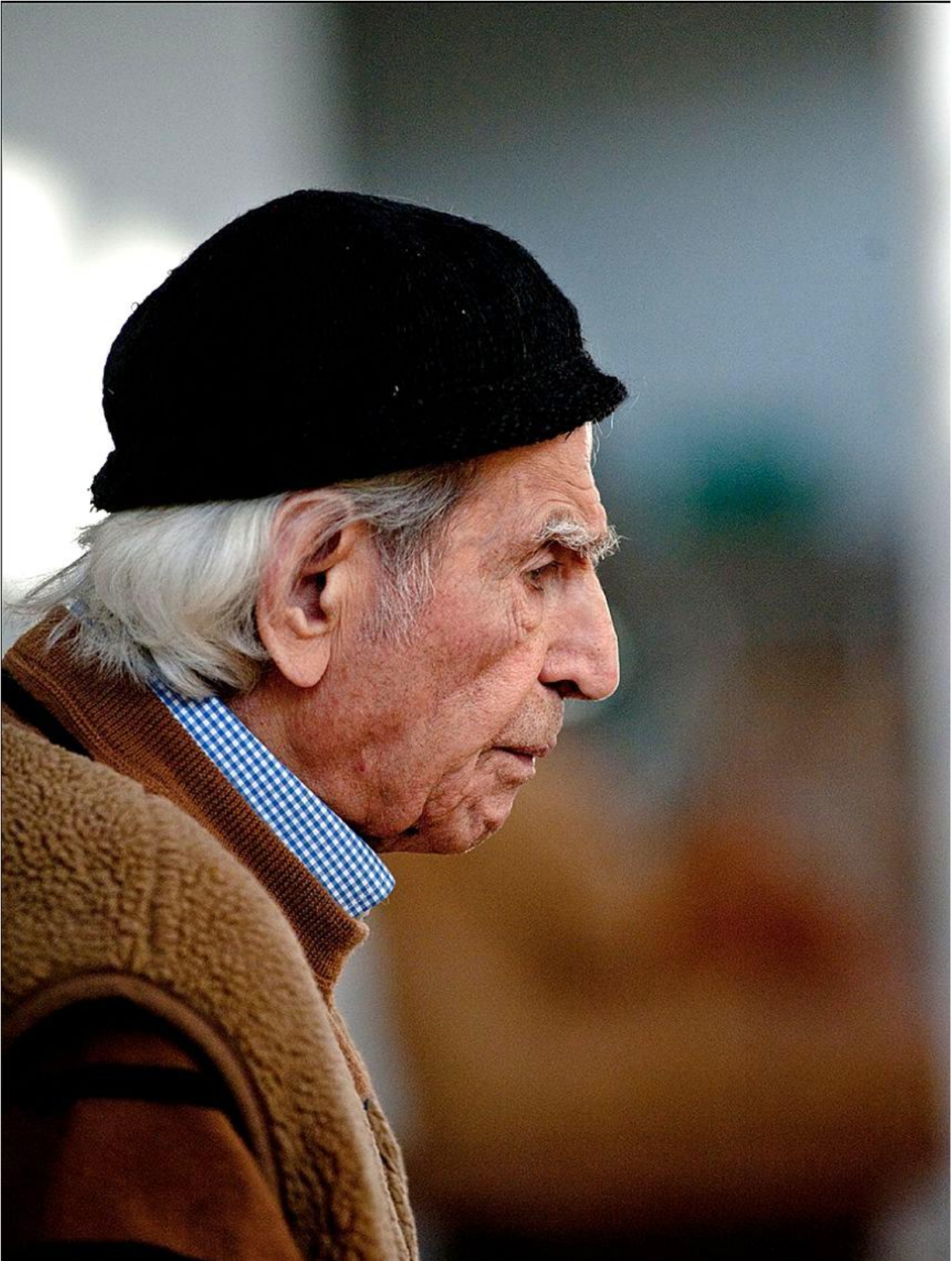

Верхнее фото: Н.Б. в своей мастерской, Москва, 2012 г;
нижнее фото: Н.Б. на балконе мастерской с Гогеном, Москва, 2012 г.

Верхнее фото: Н.Б. в своей мастерской, Москва, 2015 г;
нижнее фото: Н.Б. в своей мастерской, Москва, 2017 г.

Одно из последних фото Н.Б., Москва, 2018 г.

Наш отец Николай Никогосян и Этери (фото после 1990 г.).

Верхнее фото: Н.Б. и Э.М. в Париже, Франция, 1997 г.;
нижнее фото: Э.М. и Н.Б. в Мюльхайме на Руре, ФРГ, 1997 г.

Верхнее фото: Э.М. и Н.Б. в Корке, Ирландия, 1998 г.;
нижнее фото: Н.Б. и Э.М. в Москве, 1998 г.

Верхнее фото: Н.Б. и Э.М. встречают Новый 2000 г. в Москве, 1999 г.;
нижнее фото: Э.М. и Н.Б. встречают Новый 2001 г. в Москве, 2000 г.

Верхнее фото: Э.М. и Н.Б. в Лисморе, Ирландия, 2000 г.;
нижнее фото: Н.Б. и Э.М. в мастерской, Москва, 2005 г.

Э.М. и Н.Б. в мастерской, Москва, 2011 г.

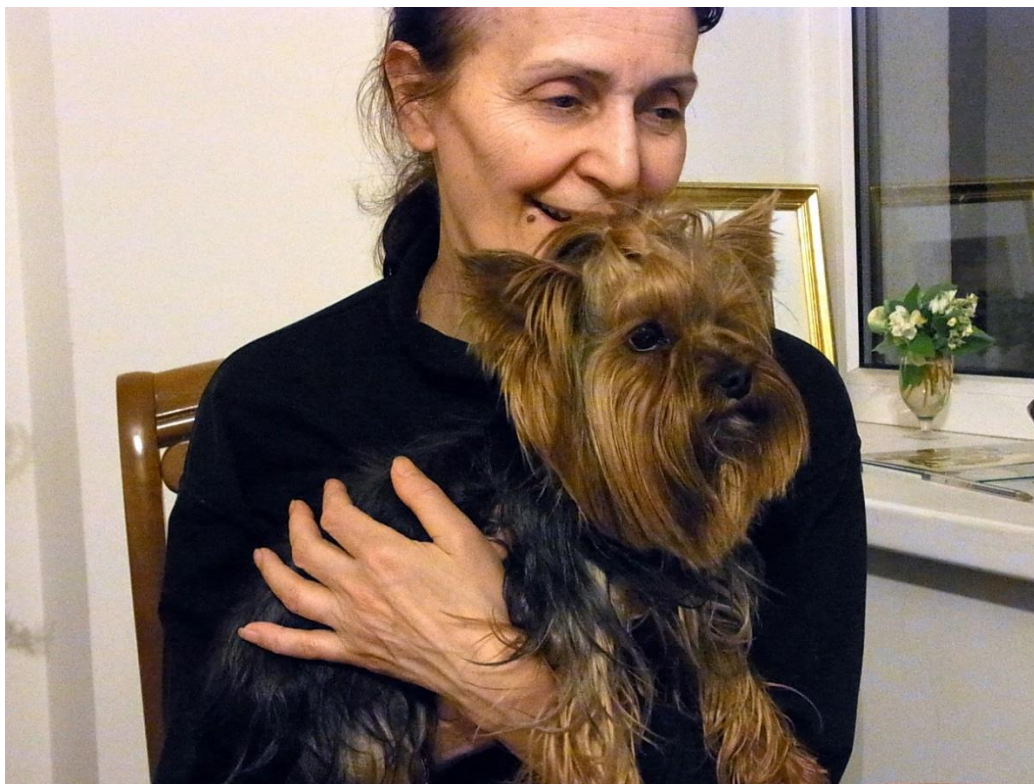
Этери и ее любимый йоркшир (фото после 1990 г.).

Э.М. обнимает свое сокровище, Москва, 2007 г.

**Верхнее фото: Э.М. на встрече Нового 2001 года, Москва, 2000 г.;
нижнее фото: Гоген в автомобиле Э.М., Москва, 2011 г.**

Верхнее фото: Э.М. и Гоген, Москва, 2011 г.;
нижнее фото: Гоген гуляет по мастерской, Москва, 2012 г.

Н.Б. и его взрослые дети (фото после 1990 г.)

**Н.Б. и его младшая дочь Гаяне после вернисажа.
Обе фотографии сняты в Москве в 2006 г.**

Н.Б. и его сын Давид. Верхнее фото относится к празднованию 90-летия Н.Б. в 2008 г.; нижнее фото снято в Москве в 2009 г.

Верхнее фото: Н.Б. и его зять Акоп Иликчян; нижнее фото: Н.Б. и его сын Давид. Обе фотографии сняты в мастерской Н.Б. в 2009 году и в 2017 году, соответственно.

Н.Б. и его сын Давид в мастерской, Москва, 2015 г.

Взрослые дети Н.Б. (фото после 1990 г.).

**Верхнее фото: Давид и две младших сестры у входа в мастерскую Н.Б.;
нижнее фото: Мариам, снятая отдельно. Обе фотографии сделаны в 1994 г.**

Верхнее фото: Гаяне, снятая в Москве. Нижнее фото: Мариам, снятая в Ирландии.
Обе фотографии сделаны в 1999 г.

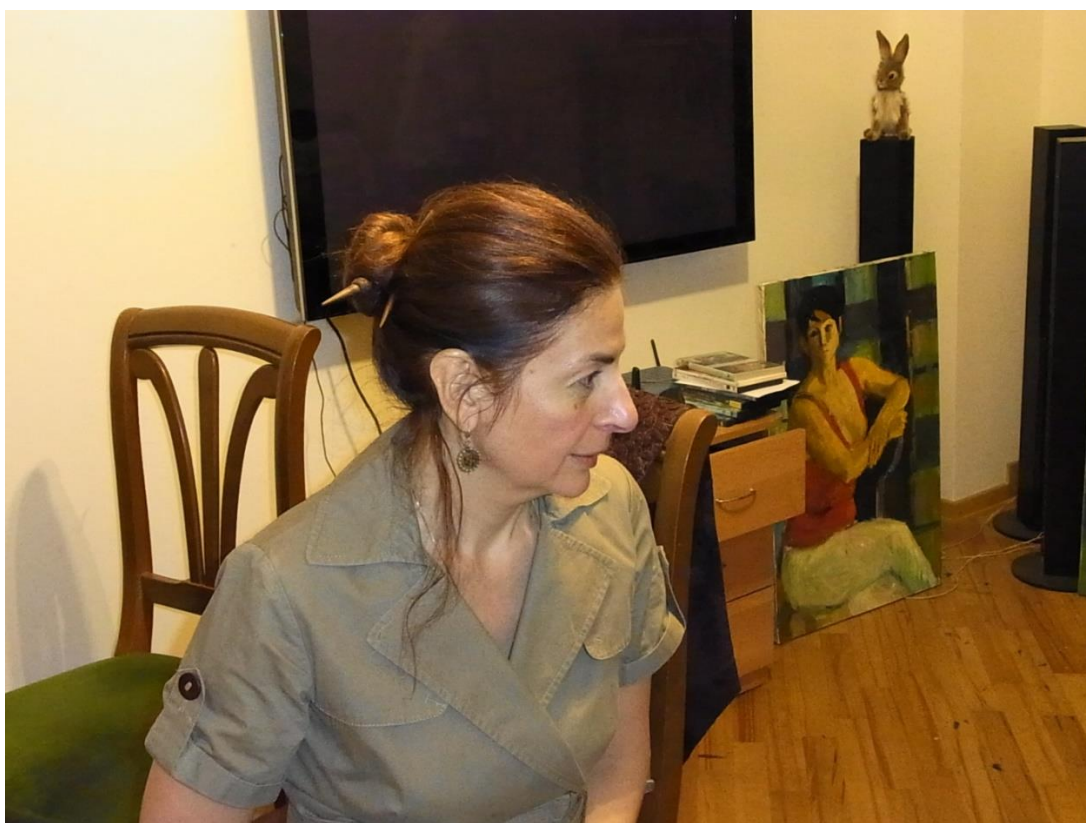
Гаяне, Москва, 2000 г.

Мариам и Гаяне. Обе фотографии сняты в Москве в 2006 г.

Верхнее фото: Мариам и Гаяне, Москва, 2006 г.; нижнее фото: Давид с женой Даниэль и сестрой Мариам на праздновании 90-летия Н.Б. в 2008 г.

Верхнее фото: Давид и его жена Даниэль на праздновании 90-летия Н.Б. в 2008 г.;
нижнее фото: Гаяне навещает Н.Б. в его мастерской в 2011 г.

Короткие истории про Николая Багратовича (Н.Б.).

Н.Б. и Дмитрий Налбандян.

Эти истории с академиком Дмитрием Аркадьевичем Налбандяном, «кремлевским художником», происходили в 50-ых - 60-ых годах.

Как-то Н.Б. спросил у Д.А., как добиться успеха на поприще искусства?

Д.А. сформулировал три условия:

а) *хвали*; Н.Б. сказал, что это просто;

б) *угощай*; Н.Б. заметил, что для армянина это не составляет труда;

в) *молчи*. Н.Б. признался: «Вот это для меня большая трудность, молчать я не умею, не могу и главное - не хочу!»

Как-то Д.А. встретил Н.Б. и сказал: «Коля, говорят, ты за глаза говоришь про меня всякие гадости?» Н.Б. отпарировал: «А я тебе, Дима, и в лицо скажу, ты говно, а не художник!»

Как-то Д.А. встречает Н.Б. и не зная, что сказать, спрашивает: «Ну что, Николай Багратович, вы все работаете?» Н.Б. отвечает: «Дмитрий Аркадьевич, а разве вы не знаете, что у нас в стране, кто не работает, тот не ест!»

Послевоенный анекдот, рассказанный мне Н.Б.

Вот история, рассказанная мне отцом где-то в конце 50-ых годов. После войны встречаются два товарища, выпивают, закусывают, обмениваются новостями.

Один говорит:

«После войны меня положили в госпиталь, обследовали, нашли инвалидность. Теперь получаю пенсию. А ты как живешь?»

«Как живу? Очень просто, я спорю и всегда выигрываю!»

«Всегда?»

«Всегда!»

«Ну так поспорь со мной!»

«Хорошо. Спорим на 100 рублей, что я укушу свой правый глаз?»

«Идет!»

«Тогда смотри.»

Вынимает свой вставной правый глаз и кусает его.

«Здорово! Вот тебе твои 100 рублей!»

«А хочешь я и левый глаз укушу? Спорим еще на 100 рублей!»

Первый приятель задумался. Ну ведь не может быть у товарища два фальшивых глаза, он же не слепой, видит же в конце концов!

«Ну ладно, спорим!»

Его товарищ вынимает свои вставные челюсти и кусает ими левый глаз.

Армянская семья посещает ВСХВ.

Наша знакомая армянская семья Каирян: муж (политфилософ), жена (домохозяйка) и двое детей 10 и 12 лет, отправилась погулять на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку (ВСХВ, ныне ВДНХ). В какой-то момент семья вдруг обнаруживает, что муж куда-то запропастился. Жена обращается к ближайшему наряду милиционеров с просьбой найти мужа. Милиционеры отвечают: «Нет проблем!» и просят ее назвать имя и фамилию потерявшегося члена семьи. Через полчаса по радио ВСХВ объявляют: «Товарищ Дэмбо Каирян! Ваша жена и дети ожидают вас около фонтана Дружбы Народов!» И еще через полчаса разъединенная семья объединяется опять.

Вы спросите, а в чем же суть рассказа? Все дело в том, как жена обратилась к мужу по радио. Слово «Дэмбо» вовсе не является именем профессора Каиряна. В переводе с армянского это слово означает «Глупенький!»

В мастерской Н.Б.

В начале 60-х годов в мастерской Н.Б. на Пресненском валу появился китайский студент, который ему позировал и с которым он подружился. Как-то угощая его, отец его спросил: «Вот если тебе предложат выбор, ты умрешь или Мао умрет, что ты будешь делать?» Китаец схватился руками за голову и немедленно ответил: «Тут нет выбора. Пусть я умру, пусть умрет моя жена, мои дети, мои родители, но наш великий вождь Мао Дзе-дун должен жить!» А отец невозмутимо: «А по мне лучше пусть умрет Хрущев, а я поживу еще и поработаю!»

В той же мастерской и в это же время Н.Б. лепит памятник, представляющий всадника на коне высотой в пять метров. Все гости и посетители задают Н.Б. один и тот же вопрос: «А как вы будете выносить коня с всадником через входную дверь?» Когда ему это порядком надоело, он написал ответ «По частям!» и положил его в конверт на подоконник. Когда же приходил очередной гость с тем же вопросом, Н.Б. протягивал гостю конверт с ответом и приговаривал: «Я знал, что вы зададите мне этот идиотский вопрос!»

Где-то в конце 60-х годов в мастерскую к Н.Б. залезли воры. Что-то сломали, что-то утащили. Но Н.Б. не растерялся, взял большой молоток и разбил на мелкие куски пару гипсовых бюстов. Потом вызвал милицию. Когда пришедшие милиционеры спросили, есть ли какие-нибудь потери, отец заявил: «Эти сволочи уничтожили то, что было наиболее дорогим для меня - портреты Владимира Ильича!» Милиция отнеслась очень серьезно к его потерям, составила акт и вскоре отец получил неплохую компенсацию.

Еще о милиции. В конце 70-х годов на открытие выставки «Моя милиция меня бережет» в московском манеже, в которой участвовал отец, пришел министр внутренних дел Николай Анисимович Щёлоков. Н.Б. не растерялся и попросил Н.А. подписать на память каталог выставки. Эту книгу с автографом Щёлокова отец возил в своей машине. Если его останавливала милиция, то он с гордостью демонстрировал этот автограф, и вместо составления протокола милиционеры брали под козырек.

В мастерскую Н.Б. на Большом Тишинском переулке пришел голландский посол с женой. Посол ему как модель очень понравился. Н.Б. сказал: «Я обязательно напишу твой портрет!» А потом добавил: «А жену твою я рисовать не буду - она уродина!»

Н.Б. и Мартирос Сарьян.

С середины 40-ых годов Н.Б. дружил с крупнейшим армянским художником Мартиросом Сергеевичем Сарьяном (1880-1972). В 1949 году он приехал в Ереван и навестил М.С. Тот спросил про своего сына Лазаря (по-армянски Газарос), который в это время учился в Московской консерватории. Н.Б. ответил, что у Лазаря все в порядке, вот только занял он у него 1000 рублей и никак не возвращает. Услышав об этом, М.С. предлагает Н.Б. написать его портрет и взять его в счет долга. Отец согласился и они договорились встретиться на следующий день в мастерской М.С., причем холст, натянутый на подрамник, должен был принести Н.Б. 40 лет спустя отец мне рассказывал, что он одел костюм и набросил сверху огромный вязаный шарф. Потом он также взял самый большой холст из имеющихся в наличии. Когда М.С. увидел этот холст, он крикнул, но ничего не сказал. Работал он с воодушевлением и портрет получился отличным. Когда работа подошла к концу, отец спросил М.С., может ли он забрать эту работу в качестве оплаты долга. Сарьян сказал: «Конечно, забирай, но добавь еще 9000 рублей, ибо я ценю этот портрет в 10000 рублей. Отец ушел в расстроенных чувствах. Еще через два года отец снова приехал в

Ереван и опять встретил Сарьяна. Тот спросил отца, возвращен ли долг. Услышав отрицательный ответ, М.С. опять предложил Н.Б. написать его портрет взамен невозвращенного долга. На следующий день отец опять позировал Сарьяну. На этот раз холст, выбранный Сарьяном, был существенно меньше, но портрет опять вышел очень удачным. Но когда Сарьян предложил забрать ему этот портрет, отец, не раздумывая, сказал: «А этот портрет я не ценю в 1000 рублей!» и опять удалился без портрета. Позже он мне рассказывал, что оба портрета были проданы за значительно большие суммы, первый за 25000 рублей, а второй за 10000 рублей. Так что в обоих случаях отец просчитался. Но зато до конца своих дней он был очень доволен, что уел знаменитого мастера.

Пейзаж Роберта Фалька.

В конце 50-ых годов отец приобрел у вдовы художника Фалька один из его французских пейзажей. Эта картина провисела над супружеской кроватью Н.Б. и Т.А. в квартире на площади Восстания несколько лет. Затем случилось следующее: Н.Б. познакомился с одним итальянцем-фирмачем, работающим на очередной выставке в Сокольниках и, как всегда, притащил его пообедать к себе домой. Тот увидел эту картину и стал просить отца продать ее. Отец сказал, что отдаст ему эту работу, но не за деньги, а за пальто + шерстяной костюм. Через три месяца этот итальянец в свой очередной приезд в Москву привез Н.Б. роскошное пальто и отличный костюм, в котором брюки были «бесконечной» длины и укорачивались на любой рост. Эти вещи были настолько хороши, что отец не стал их носить, а повесил в шкаф до «лучших времен». Но эти времена видимо наступили, когда в Москву нагрянул вновь назначенный министр культуры Армянской ССР. Отец пригласил этого министра домой пообедать, когда тот поел, Н.Б. спросил гостя, какие у него проблемы в Москве. Тот сказал, что хочет найти себе подходящий костюм и пальто. Тут-то отец и припомнил, что у него в шкафу залежался итальянский «комплект», и решил подарить их гостю в надежде на скульптурные заказы в будущем. Гость

с благодарностью принял в подарок эти вещи, откланялся и ушел. Но затем случилось непредвиденное: через три месяца этого министра сняли с работы. Таким образом, замечательный пейзаж кисти Фалька испарился, не оставив ни малейшего следа.

Н.Б. и Мишель Легран.

Эта история, аналогичная предыдущей, случилась через 30 лет, в начале 90-ых годов. В Москву приехал известный французский композитор Мишель Легран (на 1/4 армянин). Отец узнал о его приезде, немедленно отправился на его концерт, познакомился с ним и с его сестрой, пригласил на обед к себе в мастерскую, кормил их целую неделю, сделал два живописных портрета его и сестры и, наконец, перед отъездом в Париж вручил им эти два портрета. Эти люди отблагодарили отца на манер известного героя из гоголевского Ревизора, они заверили Н.Б. и его супругу Этери, что *по приезде они немедленно вышлют* им приглашение приехать в Париж на две недели. Однако Н.Б. и Э.М. не дождались обещанного приглашения, они не получили из Парижа даже маленькой открытки с благодарностью. Как говорят сами французы, *c'est la vie!*

Портрет Льва Ландау.

Где-то в районе конца 50-ых годов отец решил сделать портрет академика Льва Давидовича Ландау, будущего лауреата нобелевской премии (1962 г.). Некоторое время ушло на увещевание великого физика, который не любил тратить время попусту. Наконец Ландау согласился, но поставил условие: «Нико, у тебя наверное много красивых натурщиц, пригласи одну из них на время моего посещения, а то мне будет скучно во время твоей работы!» Отец, недолго думая, согласился, и пригласил на сеанс лепки молодую красивую женщину. Работать было нелегко. Л.Д. живо беседовал с ней, иногда срывался

с места, иногда задавал ей не очень подходящий вопрос, например: «А вы знаете, что такое теория относительности?»

Я отвлекусь немного и отмечу, что любвеобильность Ландау была исключительной, и об этом без стеснения пишет в своих мемуарах его жена Кора (Конкордия) [9]. Мои старшие коллеги-физики рассказывали мне, что Л.Д. был худым и щедушным мужчиной. Читая лекции студентам, он иногда поворачивался боком к публике и неожиданно исчезал из виду. Наверное поэтому его любовь к женщинам выражалась в бережно-ласковом подходе, он не столько любил их обнимать, сколько гладить и гордо называл сам себя «гладиатором». Вернемся к моему отцу. На следующий сеанс лепки Л.Д. явился с большим букетом цветов, бутылкой шампанского и огромной коробкой с шоколадными конфетами. Увидев все это великолепие, Н.Б. не выдержал и со словами: «Лев, знаешь что, иди-ка ты отсюда, а не то ты всех моих блядей испортишь!» выставил Л.Д. вон. Успешно начатый портрет был уничтожен, о чем впоследствии отец неоднократно вспоминал с сожалением.

Н.Б. и Ярослав Говорка.

Однажды в начале 60-ых годов Н.Б., выходя из Манежа после посещения художественной выставки, одного парня, одетого в летний плащ и ежившегося от холода. Стояла довольно морозная погода. Отец спросил его: «Как тебя зовут?» Тот ответил: «Ярослав Говорка (Jaroslav Novotka).» Отец продолжал: «Откуда ты?» - «Из Праги.» Через несколько минут выяснилось, что он - младший офицер, приехал в Москву на стажировку, устроенную для офицеров стран - членов Варшавского договора. Н.Б., пожалев парня, сказал ему: «Хватит мерзнуть, пойдем ко мне, я тебе дам теплое пальто!» Придя домой, отец не только дал ему теплое пальто, но также досыта накормил его. И на прощание сказал: «Приходи еще!» И в течение всей командировки этот парень регулярно приходил к нам домой. Наверное, мамина кухня ему определенно нравилась. Более того, в течение следующих 2 или 3 приездов в Москву, он также навещал

нас и всегда приглашал к себе в Прагу. Он обещал познакомить отца со своей семьей, состоявшей из жены, артистки кордебалета, и маленькой дочери.

Наконец, через пару лет Н.Б. поехал лечиться в Чехословакию, в Карловы Вары. Он попросил организовать ему ночевку в Праге, чтобы встретиться с Ярославом и его семьей. Приехав в Прагу, он немедленно позвонил Ярославу, тот пригласил его к себе. Но каково же было его удивление (или, лучше сказать, возмущение), когда вместо ожидаемого им обеда ему предложили кофе и печенье. Он встал и ушел не попрощавшись. Больше об этом Ярославе он не вспоминал.

Справедливости ради следует отметить, что в середине шестидесятых годов у Н.Б. появились другие, гораздо более симпатичные и гостепреимные чехи - журналисты Ева и Отто Выборны (Eva и Otto Vyborny). Но они тоже исчезли с нашего горизонта после пражской весны 1968 года.

Н.Б. и Иммануил Маршак.

В середине 60-ых годов, созидавая надгробный памятник писателю Самуилу Яковлевичу Маршаку на Новодевичьем кладбище, Н.Б. близко сошелся с его сыном, Иммануилом Самуиловичем Маршаком (1917-1977), известным радиофизиком и одновременно переводчиком с английского языка ряда классических литературных шедевров. И.С. (для друзей просто Элик) заинтересовался армянской культурой и как-то на октябрьские праздники они махнули вдвоем с Н.Б. в Ереван. По приезде, в первый день они долго гуляли по городу и И.С. удивился, что во время прогулки им не встретился ни один пьяный. Когда он поделился своим наблюдением с отцом, тот гордо сказал: «У нас в Ереване пьяных гуляк нет. Если кто-нибудь в компании выпьет сверх меры, его друзья отвозят (или сопровождают) домой. И вообще у нас в городе даже вырезвитель отсутствует!» Элик разинул рот от удивления и сказал: «Не может быть!» Потом подумал и предложил пари на бутылку коньяка: «У нас есть еще два дня. Я уверен, что мы еще встретим пьяного ереванца!» Отец

согласился. Когда на исходе второго дня им встретился нетрезвый качающийся пешеход, Элик возликовал: «Моя взяла!, Ты, Коля, проиграл!» Но Н.Б. ответил: «Подожди, сейчас подойдем поближе и поговорим.» Оказалось, что пьяный не местный, а приезжий турист из России. Т.о., Н.Б. выиграл пари.

Н.Б. и театр имени Вахтангова.

Н.Б. был знаком со многими артистами театра Вахтангова, но особенно тесные отношения его связывали с режиссером Рубеном Симоновым (1899-1968) и его сыном Евгением (1925-1994). История, которую я хочу рассказать, была рассказана Евгением Симоновым Н.Б. отцу в моем присутствии вечером 17 сентября 1969 года (спустя 44 дня после смерти Рубена Симонова), и я немедленно записал ее в свой дневник. Насколько мне известно, другого описания этой истории не существует.

На дворе стоял зловещий 1937 год. Приближалось празднование 20-летней годовщины Октябрьской революции. Как всегда, готовилось гало-представление в Большом театре с участием ряда известных актеров и музыкантов. В отличие от предыдущих празднований, впервые перед членами советского правительства должны были появиться актеры, играющие роли Владимира Ленина и Иосифа Сталина. Это были Борис Щукин (с подачи Максима Горького) и Рубен Симонов, соответственно.

Оба актера (особенно Симонов) жутко нервничали (мандражировали!). Если живому вождю не понравится его сценическое воплощение, то тогда прощай театр и здравствуй Гулаг, если вообще эти актеры останутся в живых. Таких трагических исходов в 1937 году было предостаточно.

Беспокоясь о будущем вечере, оба друга решили провести последние часы перед юбилейным представлением в квартире Бориса Щукина. За ними должна была приехать машина и отвести их в Большой театр. Они загримировались и оделись в соответствующие костюмы: Щукин был в черном костюме с галстуком

и жилеткой и носил кепку; Симонов был одет в застегнутый белый китель с золотыми пуговицами, из кармана кителя торчала трубка. В ожидании автомобиля, Борис прослушивает граммафонные записи речей Владимира Ильича, а Рубен рассматривает свое изображение в зеркале и покуривает трубку. Приходит заказанная машина марки Эмка. Жена Бориса Щукина, Татьяна, крестит обоих друзей и заставляет на прощание поцеловать семейную икону.

Они садятся в автомобиль, Рубен рядом с водителем, Борис сзади. Автомобиль держит путь к Большому театру. Но из-за присутствия членов правительства на юбилейном представлении, Большой театр взят в оцепление и некоторые улицы перекрыты. Водителю приходится добираться нестандартным путем и в какой-то момент он проезжает на красный сигнал светофора. Милиционер на перекрестке свистит в свой свисток, и бежит к машине (со стороны Симонова), размахивая руками и матерясь вслух и про себя. В это время Борису приходит в голову замечательная мысль, и он обращается к другу: «Рубен, а ну-ка вспомни, как ты блистательно играл роль Труффальдино в спектакле «Принцесса Турандот!»»

В тот момент, когда милиционер добегаёт до машины, Симонов приоткрывает дверь, вылезает наружу и появляется перед милиционером в образе вождя. Он не спеша вынимает трубку из кармана, закуривает, и произносит речь с типичной сталинской интонацией:

«Как ви смэите? Зачэм ви астанавливаэте мою машину? Ви же знаете, какое у нас сичас врэмья! У нас праисходит абастрэние классово́й борьбы. Я даже нэ поехал на правительственной машине, я взял Эмку, чтобы астаться нэзамеченным...»

Милиционер, весь в дрожи, поднимает руку к козырьку и мычит что-то вроде: «Из-ви-ви-ни-те-те ме-ме-ня, пожалуйста!» В это время, Борис Щукин, сидевший до сих пор спокойно, выглядывает в боковое окно, снимает левой

рукой с головы кепку и картаво говорит милиционеру: «А я с вами завтг'а поговор'ю!» Затем, обращаясь к шоферу, командует: «Поезжайте!»

Совсем охреневший милиционер теряет сознание и падает навзничь. Зато оба друга моментально избавляются от охватившего их ранее «мандража». Они доезжают до Большого театра и с блеском играют на сцене свои роли. Обоим за исполнение этих ролей были позже вручены правительственные награды.

К сожалению, великий актер Борис Щукин скончался через два года после этой истории в возрасте всего 45 (!) лет.

Поездка в Финляндию.

В начале 80-ых годов Н.Б. включили в группу работников культуры, выезжающих в Финляндию. Им выдали паспорта и железнодорожные билеты до Хельсинки. Потом их пригласили для окончательных инструкций: как вести себя за границей, как пропагандировать советский образ жизни и т.д. В конце инструктор стал зачитывать план поездки: 1) приезд в Хельсинки; 2) экскурсия по городу; 3) посещения музея Ленина. На этом месте Н.Б. не выдержал и взорвался неожиданной филиппикой: «Мало мы в Москве в музей Ленина ходим, в кои веки раз нас выпускают за границу, где столько много интересного, и что-же надо опять идти поклоняться Ленину?»

Инструктор не ответил на реплику Н.Б., закончил свою лекцию, распустил всех уезжающих, но попросил Н.Б. остаться. Он объявил ему, что в Хельсинки он не поедет и поэтому завтра он должен будет придти и сдать свой загранпаспорт. Но Н.Б. поступил по-своему: послал про себя этого инструктора куда подальше, пришел домой, собрал вещи, поздно вечером приехал на Ленинградский вокзал, сел в поезд и рано утром пересек границу с Финляндией в составе группы.

До сих пор непонятно, как ему удалось уехать. То ли приказ о его отчислении из группы к моменту пересечения границы еще не дошел до погранслужбы, то

ли инструктор был настолько уверен, что Н.Б. послушается устного приказа и потому не оформил письменного.

Выставки в Италии и Сирии.

В 1981 году отец был командирован Союзом Художников СССР в Рим сроком на месяц. График поездки был очень плотный, вначале неделя в Риме, потом две недели во Флоренции с поездками по окружающим городам, как-то: Сиена, Ассизи, Ареццо, Пиза, Перуджа и т.д., потом поездка на 4 дня в Венецию и возвращение в Рим. Всюду, не покладая рук, Н.Б. трудился над этюдами, и к концу командировки у него скопилось несколько живописных работ. Перед отъездом домой, отец встретился в Риме со одной своей знакомой, бельгийкой, которую звали Сюзанна Кюврен (Susanne Quevrain), и отдал ей во временное пользование около двух десятков своих работ (она обещала устроить ему выставку в Бельгии).

Сюзанна Кюврен (Susanne Quevrain) в саду папиной мастерской, Москва, 1980 г.

Моя мать, сопровождавшая отца в этой поездке, не советовала отцу отдавать бельгийке свои работы, но он ее не послушался. Через шестнадцать лет, когда я поселился в Ирландии, отец в надежде вернуть свои картины попросил меня разыскать Сюзанну, но ее адрес в Брюсселе, равно как и телефонный номер, оказались недействительными. Хочу отметить, что отец поленился составить договор и поэтому даже список этих работ неизвестен.

Через пятнадцать лет, в 1996 году, Н.Б. предложили открыть выставку в Дамаске, Сирия. Отец капитально подготовился к этой выставке. Узнав, что в это время исполняется 65 лет президенту Хафезу Асаду, отец по фотографии лепит его портрет, отливает из бронзы и везет эту тяжесть с собой в Сирию. Однако, свои картины он везет в рулоне и на месте сирийцы делают для его работ подрамники и рамки. При открытии выставки отец дарит портрет Асада Сирии, но никакой реакции на этот подарок не последовало. Зато его картины пользовались относительным успехом. Устроители выставки попросили Н.Б. оставить часть работ в Сирии для демонстрации в Алеппо и других городах. Хотя его вторая жена, Э.М., сопровождавшая его в этой поездке, протестовала против этого, отец не послушался советов второй жены совершенно также, как и пятнадцать лет до этого проигнорировал мнение первой жены. То ли от лени, то ли полагаясь на честное слово устроителей, отец опять не составил ни договора, ни даже списка оставшихся картин. Однако, как известно, восток - дело тонкое! Через пару-тройку месяцев отец получил из Сирии письмо, уведомляющее его о том, что при устройстве выставки в городе «Х» случился пожар и все оставленные им в Сирии картины сгорели дотла.

Поездка в Великобританию.

В 1988 году к Н.Б. обратилось Royal Society (Лондонское Королевское Общество, аналог нашей Академии Наук) с просьбой продать им бронзовую копию единственного прижизненного портрета сэра Джона Кокрофта, нобелевского лауреата, первого ректора Черчилль-колледжа в Кэмбридже и научного

руководителя атомной промышленности Великобритании. Надо сказать, что еще в конце 70-ых годов будущий советский нобелевский лауреат Петр Капица, выезжая в Англию, обратился к Н.Б. с аналогичной просьбой. Отец ответил: «Петр, нет проблем. Дай мне 600 рублей и ты получишь бюст». Капица стал торговаться: «Николай, ты только подумай, твою работу увидят в Англии, неужели ты хочешь получить за это еще деньги?» Отец объяснил: «Я отдам тебе скульптуру совершенно бесплатно. 600 рублей - это цена отливки». Но Капица пожалел деньги и скульптура осталась в Москве.

Портрет Нобелевского лауреата английского физика Джона Дугласа Кокрофта, выполненный в 1965 году. Галерея работ Н.Б. Никогосяна, г.Москва.

Англичанам же Н.Б. отписал, что продавать скульптуру он не намерен, но готов подарить ее Кембриджскому колледжу, если они пригласят его в Великобританию с женой и дочерью (Мариам) на две недели и оплатят им

местные расходы. Англичане с радостью согласились и выделили Н.Б. довольно крупную сумму в 6 тысяч фунтов. Н.Б. жил в Англии довольно экономно и к концу его пребывания у него оставалась около 4 тысяч фунтов, которые он решил положить в банк в качестве депозита. Не имея никакого опыта в банковском деле, он выбрал Банк Арабских Эмиратов, который благополучно лопнул через полгода. Когда я спросил отца, что побудило его отдать деньги в этот банк, то он ответил: «Они давали 11 процентов ежегодной прибыли!» Он, бедняга, не знал, что такая высокая прибыль как раз свидетельствует о большом риске вложения в этот банк.

Выставка - продажа.

В начале 90-ых годов на заре капиталистической России вместо обычных художественных выставок устраивались выставки-продажи, т.е. все картины вывешивались с ценниками. На одной из таких выставок, Н.Б. снабдил ценниками все картины, кроме большого портрета клоуна (мима). На выставку пришли люди из фирмы SIEMENS-NIXDORF и посмотрев все развешенное, сказали, что хотели бы купить именно эту картину. Н.Б. не хотел продавать эту работу и поэтому он заявил им: «Эта картина стоит *очень дорого!*» «А сколько?» - спросили его и он назвал первую, на его взгляд очень большую, цифру: «20 тысяч долларов». И каково же было его изумление, когда его картина тут же ушла за эту цену.

Щедрость или беспечность?

Два племянника Н.Б. от младшего брата, назовем их Д. и Б., вернувшись из Лондона после длительного пребывания в Соединенном королевстве, решили заняться бизнесом в Москве, а именно, открыть пекарню по производству английского кекса (muffins). Они обратились к Н.Б. с просьбой инвестировать 30 тысяч долларов. Отец решил посоветоваться с другим племянником,

Рубеном Мурадяном (кинорежиссер и кинохудожник), давать ли им деньги. Рубен сказал, что эти ребята проторчали шесть лет в Лондоне и никаких денег не заработали, так что нет смысла инвестировать деньги в их бизнес. Н.Б. рассердился и сказал: «Раз ты так сильно настроен против них, то я назло тебе дам им деньги!» И дал.

Прошло около двух лет. Отец опять вызвал Рубена и сказал ему: «Что-то Д. и Б. не несут мне денег. Пойди, узнай, как у них идут дела?» Рубен отправился к ним, и узнал, что дела у них хуже некуда. Он передал им просьбу отца вернуть ему хотя бы часть вложенного капитала. Д. и Б. сказали, что могут вернуть взятые деньги, но для этого им нужно съездить в Лондон и продать принадлежащую им недвижимость. Для этого им нужно еще 5 тысяч долларов. Рубен вернулся к Н.Б. и отсоветовал ему давать деньги этим никчемным парням. Но Н.Б. опять не последовал совету Рубена и опять вложился в бизнес бестолковых родственников.

Д. и Б. съездили в Лондон, прокутили все деньги, которые имели, и при встрече сказали Рубену: «Бизнес - это дело рискованное, передай отцу, что денег у нас нет и не будет!»

Памятник воссоединения Украины с Россией.

В 1954 году в Москве торжественно отмечалось вхождение Украины в состав России. Был объявлен конкурс на памятник для города Москвы, который в 70-ых годах выиграл Н.Б., но работа над окончательной версией памятника затянулась на долгие годы. Наконец, в 1984 году Н.Б. представил комиссии статую в 1/3 окончательной величины, состоящую из двух женщин, олицетворяющих Украину и Россию. Один их членов комиссии глубокомысленно заметил: «А почему у Украины сиськи больше, чем у России?» Н.Б. отрезал: «Если и другие члены комиссии судят о моей работе на таком же примитивном уровне, то я отказываюсь от дальнейшего обсуждения и прекращаю свою работу над этим памятником!»

Следует отметить, что это был единственный монумент, выигранный Н.Б. для Москвы. Его предшествующие многочисленные попытки (памятники Маяковскому, Лермонтову, Гагарину, Ленину и др.) заканчивались неудачей, поскольку Н.Б. всегда предлагал нестандартные новаторские решения, «переварить» которые консервативному большинству членов комиссии было трудно (или даже невозможно). Гораздо более повезло Н.Б. на его родине в Армении, где он установил 3 монумента в Ереване и один в Ленинкане (ныне г. Гюмри).

Н.Б. и портрет Виллиса Лэмба.

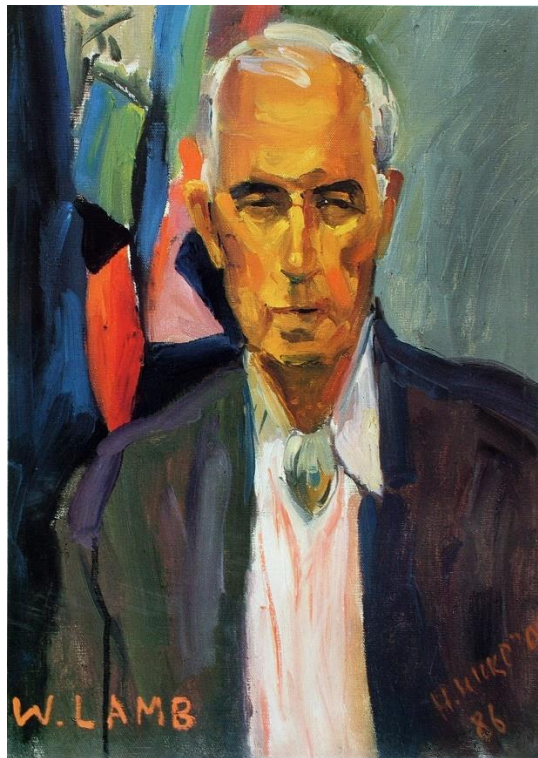
В 1986 году я сломал левую ногу, разругался с женой, ушел из дома и поселился у отца в мастерской. Сидел с загипсованной ногой во флигеле и писал свою докторскую диссертацию. По причине временной инвалидности, на свою работу в Троицк я ездил (меня отвозили) крайне редко, за почтой и литературой. Однажды в коридоре института я столкнулся с своим начальником, Владиленом Летоховым. Он известил меня о том, что в Институт приезжает нобелевский лауреат физик Виллис Лэмб (Willis Lamb). «Давид, тебе сейчас делать нечего, договорись с отцом, чтобы он нарисовал его портрет. У нас тут в отделе как раз накопились лишние деньги и мы можем хорошо оплатить эту работу. Повесим у нас Институте». Я отвечал: «Владилен Степанович! Я с отцом поговорю, уверен, он не откажет. А насчет оплаты вы сами с ним договоритесь».

Через несколько дней В.С. приезжает в мастерскую отца и договаривается с ним о гонораре в 1000 рублей. Потом он привозит мистера Лэмба, отцу он как модель очень понравился и он нарисовал даже два портрета. Увидев как быстро и умело работает отец, В.С. решил тоже попозировать. Н.Б. написал и его портрет. После этого, несколько не смущаясь, он попросил также написать портрет своей жены Тины Кару, увековеченной Сергеем Довлатовым в повести Компромисс [10]. Отец опять согласился и В.С. сказал, что пришлет ее завтра. Когда на следующий день приехала машина, я встретил Т.К. и проводил наверх к отцу, но вскоре она спустилась вниз и уехала. «Отец!» - сказал я - «Что случилось?» - «Я посадил ее на стул, открыл этюдник, приготовил краски, взял

кисть в руки и посмотрел в ее глаза. На меня смотрела змея! Я не мог после этого ее рисовать. Я сказал ей, что плохо чувствую, извинился и она ушла».

Я не могу сказать, что у меня были дружеские отношения с Т.К., напротив, у меня с ней было несколько конфликтов в Институте. Как особа, приближенная к начальнику, она несколько раз жаловалась на меня. В результате, как сейчас говорят, на меня были наложены *санкции*. Однако я никогда не рассказывал о наших отношениях отцу. Поэтому для меня до сих пор остается загадкой, как отец почувствовал ее нутро.

Вернемся к портрету Лэмба, который сейчас висит в библиотеке маленького института в Троицком районе т.н. Новой Москвы. Отцу за этот великолепный портрет заплатили всего 300 рублей. Оказывается, в то время для Институты АН СССР существовало ограничение сверху для оплаты подобных портретов. Я уверен, что эта живописная работа Н.Б. достойна украсить Третьяковку или Русский музей.

Портрет Нобелевского лауреата американского физика Виллиса Лэмба, написанный Н.Б. Никогосяном в 1986 году.

Н.Б. и Майя Плисецкая.

Эта история взаимоотношений скульптора и модели была рассказана мне недавно моим двоюродным братом Рубеном Мурадяном. В 1956 Н.Б. лепил знаменитую балерину. Когда закончился последний сеанс, Майя Михайловна сказала отцу, что поскольку у нее длинный нос, то она хочет, чтобы на портрете нос был покороче. Однако отцу это не понравилось. Он довольно грубо сказал: «Я скульптор, делаю то, что считаю нужным. Пожалуйста, не вмешивайся в мое творчество. Ты балерина. Я же не учу тебя, как высоко ты должна задира́ть свою ногу!» М.М. ничего не ответила, но уходя, схватила нож и отрезала у глиняной скульптуры часть носа. Н.Б., конечно, восстановил первоначальную длину носа и отлил из бронзы эту скульптуру. Но М.М. не могла простить отцу этот слишком длинный нос на скульптуре. Когда в Большом театре состоялось общественное обсуждение этой скульптуры, Майя сказала, что скульптура великолепная и что ее надо обязательно приобрести для Большого театра. Однако в фойе, столкнувшись с моим двоюродным братом, она прошептала: «Передай своему дяде, что он полное говно!»

Прошло сорок лет. В 1996 году, я работал в Германии, в Мюнхенском Техническом Университете, и жил в общежитие для лауреатов Гумбольдской стипендии на улице Амалии (Amalienstrasse), дом 40. Однажды вечером, прогуливаясь перед сном по соседней улице Терезы (Theresienstrasse), возле дома 23, я столкнулся с М.М. (кожаный плащ, черные высокие сапоги, на голове павлопосадский платок) и ее мужем, композитором Родионом Щедриным. Я сказал по-русски: «Добрый вечер, Майя Михайловна!» Она очень удивилась и спросила: «Откуда вы меня знаете?» Я ответил: «Мой отец Николай Багратович Никогосян лепил вас и вы бывали в нашей квартире на площади Восстания». Она представила меня своему мужу и справилась о здоровье Н.Б., я сказал: «Спасибо, он жив и здоров. Я пришлю вам некоторые газетные публикации». и мы распрощались. На следующий день я отскерокопировал имеющиеся у меня вырезки из газет, посвященные Н.Б., и послал их по почте М.М. в надежде получить от нее благодарственное письмо с автографом. Но ответа я не

дождался. Зато теперь я понял почему. Потому, что спустя 40 лет М.М. по-прежнему злилась на Н.Б.

Н.Б. в Ирландии.

В 1997 я поселился на юге Ирландии, в городе Корк, где работал на кафедре физики местного университета. Летом 1998 года Н.Б. и Э.М. приехали ко мне в гости. Отец привез этюдник с кистями и красками и собирался написать несколько пейзажей. Дом, в котором я снимал квартиру, стоял на берегу канала, в котором плавали бакланы и летали чайки. Уровень воды в канале дважды в день поднимался и опускался на 4 (!) метра (прилив/отлив). Если не было дождя, то отец каждый уходил вдоль канала на этюды. Он никогда не жаловался на то, что ему приходилось таскать тяжелый этюдник. Однако его очень раздражало быстрое передвижение облаков, приводящее к изменению освещения.

Однажды вечером пошел сильный дождь. Отец прижался к стеклу и и глядел не отрываясь на другую сторону канала. Там параллельно каналу проходила улица и еще один переулок уходил вдаль от канала. На углу улицы и переулка стояла проститутка. К ней все время подъезжали машины, она беседовала с парнями и, открывая плащ, демонстрировала свои прелести. Однако они никак не могли договориться и подъезжали новые машины. Отцу это очень не нравилось. «Бедная девочка! Что за безобразие: эти жадные ирландские парни предпочитают тратить деньги на пиво, а не на любовь!»

Город Корк известен своей морской историей. Отсюда уходили в дальнее плавание такие судна как Сириус, Титаник, Лузитания. Но сам Корк находится примерно в 25 км от океана. Однажды мы решили повезти Н.Б. на берег океана. Но проехав всего полпути, он вдруг попросил немедленно остановиться.

«Что случилось? Тебе надо в туалет?»

«Нет. Здесь коровы».

«Какие коровы?»

«Такие же, как я пас в детстве. Я хочу вспомнить свое детство».

Мне пришлось развернуть машину и подвезти его к пастбищу. Н.Б с полчаса бродил между коровами, потом вернулся очень недовольный.

«Ну почему в Ирландии так много травы? Я в детстве часами искал подходящее место с травой, чтобы накормить своих бычков. А здесь коровы живут как в раю!»

Потом он сказал, что очень устал и нам пришлось вернуться. Н.Б. увидел океан только в свой следующий приезд.

Н.Б. и русский язык.

За всю свою долгую жизнь отец так и не научился правильно говорить по-русски. Вернее, заметив что его русские неологизмы обладают определенным шармом, он продолжал коверкать «великий и могучий» русский язык. Вот некоторые образцы его «словесного творчества» (в скобках исходное слово):

талерка (тарелка)

бутулка (бутылка)

тролябус (троллейбус)

валут (валюта)

умей в виду (имей в виду)

ладовазка (водолазка)

лесбанка (лесбиянка)

писмис (пессимист)

оптимис (оптимист)

Ренгина (Регина)

Вот некоторые истории, связанные со «словесным творчеством» Н.Б. :

Н.Б. и Э.М. вечером в семейном кругу. Этери шьет, сидя в кресле. Отец читает вслух популярную в те годы газету “Частная Жизнь”: «Две молодые би..., би..., бисекусалки... Этер, а что такое «бисекусалки?» (бисексуалки)

Н.Б. включает телевизор. Кричит жене: «Этер, иди скорей смотреть, здесь играет мой любимый Салома!» (Сильвестер Сталлоне)

Н.Б. обращается к Э.М.: «Этер, дай мне «кочки!» - «Не «кочки», а скоч! Скажи правильно и получишь!»

Н.Б. врывается на совещание секции керамики Союза Художников РСФСР и с порога громко объявляет: «Товарищи! Я очень хочу творить блуд!» (блюдо)

1998 год. Н.Б. со мной в ФРГ посещает Дюссельдорфский магазин «Сатурн», где имеется огромный выбор СД дисков. Посмотрев на обложки дисков, он стал просить меня: «Сынок! Купи мне, пожалуйста, Бе Ни Мэ!» (Бони М!)

Творческий вечер Майи Плисецкой в Большом театре.

В 1964 году в Большом театре состоялся концерт Майи Плисецкой. Она пригласила бывшего дирижера Большого театра, четырежды лауреата Сталинской премии, Юрия Федоровича Файера руководить оркестром на этом вечера. Вечер имел грандиозный успех. К концу его на сцене уже стояло несколько корзин с цветами, и десятки индивидуальных букетов продолжали прибывать. Но когда прибыл очередной букет и Майя решила добавить его к общей куче, из зала раздались протестующие возгласы и этот букет был немедленно перенаправлен в ложу с космонавтами. Но тут в партере появляется Н.Б. и кричит изо всех сил: «Товарищи, эти цветы для Фрайера!»

Из частного электронного письма 12.08.1998.

Вернулась недавно с открытия выставки твоего папы. Получила массу положительных эмоций, прежде всего от бодрого вида Николая Багратовича, мальчишеского блеска его глаз. И, конечно, от самой выставки, где поражает обилие работ последних лет. Мне (и не только мне) особенно понравилось, как Н.Б. в своей заключительной речи, произнесенной сильным (не по возрасту)

голосом, сказал: «Любов - это главное в жизни! Любите все вокруг: женщина, собака, человек!» Аплодисменты были бурные, и не только в этом месте. Н.Б. был, как всегда, неподражаем.

Н.Б. и молодая грузинская художница.

В середине золотых нулевых годов в Московском Доме Художников на Кузнецком мосту была организована выставка одной молодой художницы из богатой грузинской семьи. На вернисаж притащили Н.Б. (он упирался как мог, так как ему ее творчество совсем не нравилось). Перед традиционным фуршетом ему как старейшине предложили выступить с речью о молодом даровании. Но Н.Б. и тут не растерялся. Он начал совсем с другого конца.

Н.Б. «А где ее отец?» - «Здесь». - «Позовите».

Подходит толстый пожилой грузин.

Н.Б. «Слушай, дорогой, я тебе вот что скажу. У тебя красавица дочь. Почему ты ее не женишь?»

Н.Б. и фотограф Борис Долматовский.

У отца было много друзей среди фотографов. Один из них, фотограф-любитель Борис Долматовский, начал фотографировать Н.Б., его мастерскую, его модели и его произведения в 1978 году и снимал в течение 40 (!) лет [11]. Надо отметить, что Борис Долматовский был влюблен в шахматы и шахматный мир. Он приводил к отцу знаменитых гроссмейстеров, таких как Василий Смыслов, Михаил Ботвинник и Тигран Петросян, и отец рисовал и лепил их портреты. Иногда Борис приходил просто поведать Н.Б., тогда отец демонстрировал ему свои новые работы, а потом они играли в нарды и отец неизменно выигрывал. При этом он поучал Бориса: «Это тебе не шахматы, здесь думать надо!»

Н.Б. и пластический хирург.

Эту историю я записал со слов одного пластического хирурга, Соломона Моисеевича, большого друга Н.Б. и Э.М. Как-то отец спросил его: «А среди твоих пациенток есть красавицы?» «Есть». «Тогда пришли мне одну из них, чтобы позировала мне как модель». Недолго думая, С.М. выбирает из своих пациенток одну грудастую женщину и посылает ее к Н.Б. Через пару дней ему звонит Н.Б. и говорит с нескрываемым раздражением: «Ты кого мне подсунул?» «Как вы просили, видную женщину с выдающимися грудями». «Да мне не сиськи нужны, мне нужны формы, объемы!» С.М. не учел, что имеет дело со скульптором. А присланная модель была худощавой и имела весьма узкий таз.

Н.Б. на диете.

В середине нулевых годов вторая жена Н.Б. Этери Михайловна, а также две младшие дочери Мариам и Гаяне, пытались ограничить соль и сахар, а также алкоголь в рационе отца. Эти ограничения отцу сильно не понравились. В ответ он начал компанию «за свои права». Видя, что от него чего-то прячут, он громко заявлял: «Товарищи, я тоже человек!» Если это не помогало, то он всеми правдами и неправдами старался урвать свою долю. Это часто приводило к не очень приятным последствиям (рвота и пр.), но продолжалось до его 90-летия (в 2008 году). После чего все разом махнули на него рукой, решив, что раз он так долго живет, то пусть живет как хочет. Зачем отравлять ему оставшиеся годы жизни...

Прием гостей.

После своего 90-летия Н.Б. редко выезжает из своего дома (вернее, из своей мастерской) и основным его развлечением становится прием гостей. Мало сказать, что он был гостеприимным человеком, он был готов принимать их круглые сутки. Его жена Э.М. максимально способствовала этому, хотя его дом превратился в проходной двор. За день через дом проходило от 10 до 30 человек. Иные звонили уже после полуночи, но Н.Б. не отказывал никому.

Особенно он любил завлекать молодых девушек в свою мастерскую. Для этого была разработана специальная тактика. Обычно на выставках он выбирал интересных девушек, приглашал в свою мастерскую и раздавал свои визитные карточки. Далее он ждал от них звонка или звонил сам. Он набирал номер и спрашивал: «Вы придете ко мне в мастерскую *или вы далеки от искусства?*» Обычно девушки не хотели признаваться в том, что они далеки от искусства и приходили в мастерскую, одни сами, другие, более робкие, в сопровождении подруги. Н.Б. всех угощал чаем, иногда предлагал кофе и всегда сладкое - конфеты, печенье, торты и т.д. Накрывала на стол Э.М. или кто-нибудь из младших дочерей. Через некоторое время раздавался повелительный голос Н.Б. : «*Хватит болтать, поговорим обо мне!*» И тут начинались его рассказы о встречах с интересными людьми, о его работах и достижениях. В этот момент домочадцы ретировались, так как все эти истории были им хорошо известны. А Н.Б., наоборот, нужна была была свежая публика, от которой он, как актер, получал вдохновение. Чаепитие кончалось тем, что он выбирал себе модель, которую тут же рисовал карандашом, или же договаривался об 1-2 сеансах позирования для живописного портрета.

Н.Б. и медаль от Путина.

Как-то раз, года за два или за три до смерти, отец сказал мне: «Я должен обязательно дожить до 100 лет!» Я возразил: «Ты никому ничего не должен. Живи себе, сколько бог даст, и радуйся жизни». «Нет я должен дожить до 100 лет, тогда Путин даст мне большую медаль». «А что если не даст?» «Ты что не веришь, что твой отец доживет до 100 лет?» «Я-то верю и надеюсь, что ты доживешь до этого возраста, однако не факт, что Путин будет у власти в день твоего юбилея!»

Жизнь сыграла с нами злую шутку. Отец умер 10 августа 2018 года, не дожив трех месяцев до своего столетия. На следующий день от рака груди скончалась его супруга Этери, которая была моложе меня на полгода и моложе Н.Б. почти

на 28 лет. В этот момент из-за прихода к власти в Армении Никола Пашиняна, отношения между Арменией и Россией накалились до предела. И когда моя младшая сестра направила в Моссовет письмо с просьбой выделить отцу, старейшему члену Академии Художеств в России, участок на Новодевичьем кладбище за подписью постоянного представителя Армении в Москве, то это имело обратный эффект - никто не захотел рисковать в этот момент своим положением и нам отказали. Зато Армения немедленно выделила Н.Б. место в ереванском Пантеоне имени Комитаса, где покоятся выдающиеся деятели культуры Армении.

Через год мы открыли надгробный памятник отцу. На его могиле воздвигнута гранитная плита с датой 1918-2018. Он таки прожил свое столетие!

Памятник на могиле отца в Пантеоне имени Комитаса, Ереван, Армения, общий вид и отдельные детали. Надпись по-армянски переводится как НИКОГАЙОС НИКОГОСЯН СКУЛЬПТОР. Автор памятника архитектор Акоп Иликчян.

Комментарии и литература.

[1]. Некоторые детали нашей жизни в фанерном бараке мне сообщил мой двоюродный брат Рубен Мурадян (1936 года рождения), за что я ему весьма признателен.

[2]. Н.Б. Никогосян. Пластика жизни. Записки разных лет. Москва, 2016, стр. 111-116.

[3]. Н.Б. Никогосян. Пластика жизни. Записки разных лет. Москва, 2016, стр. 146-154.

[4]. Смотри, например, Андрей Манукин. Aqua Vitae, колбаса и лазерная физика. (Из советского околонуучного прошлого). Журнал «Черепаша на Острове», 20.09.2020, www.marie-olshansky.ru/bb/am_institutum.shtml

[5]. Мастерская академика Н.Б. Никогосяна на Большом Тишинском переулке, д.19, выстроена по проекту московского архитектора Р.А. Пепаняна. За качественную архитектуру это здание в 2008 году было отмечена премией «Золотой Мастерок».

[6]. Н.Б. Никогосян. Пластика жизни. Записки разных лет. Москва, 2016, стр. 301-316.

[7]. Настоящее и прошлое Баграта Никогосяна. Журнал «Черепаша на Острове», 09.11.2008, www.marie-olshansky.ru/ct/david.shtml

[8]. Мариам Асламазян. Давтар жизни. Автобиографические рассказы. Москва. 2001, стр.1-120.

[9] Кора Ландау-Дробанцева. Академик Ландау. Как мы жили. изд. Захаров, 1999, стр.1-435. Отмечу, что в главе 52 на стр.334 упоминается Н.Б. По моему мнению, описанный Корой образ отца примитивен и не соответствует ни его стилю, ни его поведению.

[10] Сергей Довлатов. Собрание прозы в трех томах. Лимбус-Пресс, Санкт-Петербург, 1995. Том 1: Компромисс, стр.261-263.

[11] Существует книга, где собраны фотографии, сделанные Борисом Долматовским в мастерской Н.Б.: Борис Долматовский. Мой Никогосян. Москва, Niko Art Gallery; 2019. 80 с. Отпечатано в типографии ООО "Буки Веди". Тираж 300 экз.

Бонн, ФРГ, 2019-2022.